

Коловрат. Вторжение

Автор:

Алексей Живой

Коловрат. Вторжение

Алексей Живой

Историческая фантастика Коловрат #2

1237 год от Рождества Христова. В приближение войны с татарами на Руси по-прежнему никто не верит. Князя предаются междоусобицам. Купцы торгуют, бояре пируют. И только Кондрат Зарубин, дух которого волею судьбы перенесся в тело рязанского боярина Евпатия Коловрата, пытается что-то предпринять.

Зная о надвигающейся угрозе, Коловрат убеждает рязанского князя Юрия Игоревича подготовить город к обороне и научить войско биться по-новому, чтобы не проиграть сражение со степняками, захватившими уже полмира. А еще – вооружить ратников неизвестным доселе оружием.

Смертельная угроза неотвратимо приближается. И вот уже войско хана Батыя встало лагерем на Воронеже. По границам княжества назревает смута, а в самой Рязани растет смятение. Никто не знает, когда начнется вторжение. Никто не верит, что можно победить полчища Батыя. И только Коловрат понимает, как изменить судьбу.

Алексей Живой

Коловрат: Вторжение

© Алексей Живой, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава первая

Тайный схрон

Евпатий остановил коня, осторожно спустился на влажный мох и прислушался к звенящей тишине леса, которую нарушал лишь удивленный шепот редких птиц. Их встревожил вид трех всадников, неизвестно зачем забравшихся в такую глушь, куда не вела ни одна дорога. Все проезжие пути, как и судоходные реки, остались далеко в стороне. Удовлетворенно осмотрев замшелый бор, в который почти не проникали лучи солнца, давно уже вскарабкавшегося на самый верх небосвода, Коловрат махнул рукой своим спутникам.

– Слезай. Здесь хоронить будем.

Макар следом за ним спрыгнул с коня на замшелую землю, которая слегка просела под его сапогами, и выдернул притороченную к седлу лопату. Пока приказчики снимали накрытый попоной от посторонних глаз сундук, сам боярин обошел ложбинку и выбрал место для схрона.

– Вот, здесь копайте, – приказал он, остановившись рядом с валуном средней величины, – аккуратно под самым камнем. Откатите его, яму сделайте, а потом на место верните. И все будет как прежде. Неприметно.

Коловрат с неудовольствием посмотрел на свои красные сапоги, потом на следы, отпечатавшиеся на влажных и замшелых кочках.

– Да ступайте осторожнее, – добавил боярин, – чтоб следов не много оставлять.

– Не волнуйся, Евпатий Львович, – уверил его Захар, невольно оглядевшись по сторонам, – все сделаем в лучшем виде. Осторожно ступаем. Комар носа не подточит.

– Ага, – кивнул Макар, помогавший тащить небольшой, но увесистый сундук, – сильно не натопчем, а мох скоро обратно распрямится. И к обеду уже никто и не заметит, что мы здесь были. Даже если рядом проедет.

– Ну, добро, – кивнул Евпатий, оглядывая затерянную в темном лесу ложбинку и поглаживая рукоять меча, подвешенного к поясу, – поспешайте. Надо побыстрее назад вернуться. Чтобы люди наши, что в деревне оставили, тоже ни о чем не догадались. Мне лишние разговоры не нужны, даже среди своих.

Подтащив сундук, приказчики опустили его на укрытую опавшей листвой землю, рядом с камнем. Позади валуна рос огромный куст, почти укрывавший его с трех сторон. Листья на том кусте уже покраснели, а иные почти пожелтели, – на дворе стояла осень, которая в этом году выдалась теплой. Ни дождей, ни холодов еще толком не было. Влага осталась только в таких местах, как это, укрытых от солнца, ветра и постороннего взгляда.

Поднатужившись, приказчики схватили увесистый валун по краям и попытались аккуратно сдвинуть в сторону, но лишь смогли его ненадолго приподнять. Попыхтев немного, они положили его на прежнее место.

– Тьфу ты, леший, – выругался Макар, отступая на шаг.

– Тяжеловат, – выдохнул Захар, сдвинув шапку на затылок и вытирая пот со лба.

– Ты прости нас, Евпатий Львович, – вторил ему Макар, обернувшись к стоявшему чуть поодаль боярину, – подмогнуть бы надо. Вдвоем не совладаем. Али просто рядом в земле яму вырыть.

– Просто нельзя. Тут, кроме людей, зверья много. Того и гляди, устроят себе из нее нору, – заметил на это боярин, – Под камень схороним. Подальше положишь, поближе возьмешь.

Сказав это, Евпатий скинул с себя расшитую золотом шапку и ездовой ферязь, чтобы не измазать и не вызывать потом лишних вопросов. Но не сразу пришел на помощь приказчикам, а оглянулся по сторонам и поискал что-то цепким взглядом. Нашел, – то был ствол небольшой сосны, обломленной ветром и валявшийся неподалеку. Взял его и лишь тогда приблизился к приказчикам.

– Подымай, – скомандовал он и, едва камень оторвался от земли, просунул в образовавшуюся щель ствол, а затем поднапрягся и лихо перевернул тяжеленный камень на бок. Приказчики еле успели отпрыгнуть в стороны.

– Вот так-то, – назидательно заявил боярин, отбросив ненужную более сосну, – дайте мне точку опоры – и я переверну землю, как говаривал некогда Архимед.

– Это кто ж такой? – удивился Захар. – Не слышал раньше. Из купцов али из бояр?

– Мудрый был, наверное, муж, – похвалил Макар, удивленный столь быстрым результатом, – и наверняка грамотный.

– Да так, – отмахнулся Евпатий, – один ученый грек.

– Дьяк, значит, – решил Макар, поразмыслив немного.

– Копайте быстрее! – прервал его размышления боярин. – Да землю унесите и разбросайте подальше, чтоб и следа не осталось от этих раскопок.

Отдохнувшие за разговором приказчики с новой силой принялись разрывать землю по очереди деревянной лопатой, но порода оказалась каменистой, и дело шло медленно. А деревянная лопата гнулась и потрескивала от натуги, того и гляди, могла и вовсе расколоться. «Эх, жаль, не заказал кузнецам заранее выковать такое изделие, – пожурил сам себя боярин, глядя, как приказчики мучаются с деревянной лопатой, – надо было научить, гораздо быстрее все бы сделали. А то привыкли металл беречь для военных надобностей». То и дело нетерпеливо поглядывая по сторонам и вверх, на солнце, клонившееся к обеду, Евпатий вскоре был вынужден кинуть им свой меч.

– Возьми клинок, Захар, да копайте быстрее! – подстегнул он своих подопечных, начиная немного нервничать. Второе захоронение шло гораздо медленнее, чем

первое, хотя место было выбрано не в пример проще. Проведя рукой по карману на груди, Евпатий случайно нащупал перстень с изумрудом, неожиданно найденный вчера, и невольно вспомнил о том, при каких странных обстоятельствах появился у него этот драгоценный камень. А припоминая, как начинался сегодняшней день, боярин про себя подумал: «Место, конечно, тихое, до людей далеко, но не ровен час кто заявится. Закон подлости никто не отменял. А тогда придется... не дай бог. Свидетели в таком деле не нужны».

Коловрат не скор был на расправу над своими. Но от этого схрона ох как будущая жизнь могла зависеть. «Кто знает, как оно все повернется», – вздохнул Евпатий, отгоняя тягостные и назойливые мысли.

Из Рязани выехали тайно еще три дня назад, под вечер, и в наступавших сумерках первого дня едва успели добраться до места впадения реки Прони в Оку. Когда небольшой отряд из пятнадцати вооруженных всадников пересек Проню вброд и стал искать место для ночлега – проводить ночь в обитаемых местах знатный рязанский боярин, к удивлению ратников, наотрез отказался, – Евпатий бросил взгляд на оставшийся позади знакомый лес. Где-то там, неподалеку, обитал его знакомый кузнец, первый учитель в ратном деле, Васька Волк. Можно было заночевать у него в кузнице. Но и эту мысль Евпатий отогнал от себя. Для того, что он задумал, свидетелей было нужно как можно меньше, точнее, они вовсе не нужны, но одному было никак не управиться. А насчет своего учителя по прозванию Васька Волк боярин имел вполне определенные планы, но время обсуждать их еще не пришло. Вначале надо было схоронить подальше от людских глаз два небольших ларца, на содержимое которых боярин рассчитывал в том случае, если, несмотря на все его приготовления, в Рязани настанет-таки самый черный день. «Разве что на обратном пути к нему заеду», – подумал Коловрат, укладываясь на подстилку из нарубленных веток прямо у костра вместе со своими ратниками, старшим промеж которых был верный Ратиша.

Людей он в этот раз отобрал только самых верных, да и то никому не сообщил, куда едут и зачем. Ларцы обмотал мешковиной и велел приказчикам самолично приторочить их к седлам своих скакунов, накрыв попоной, – отчего ларцы стали схожими видом с большими мешками, – чтобы ни один ратник не прознал о том, что они везут. Только верные приказчики знали, что везут два ларца, да и сами они не ведали точно, что внутри: золото, камень, узорочье или грамоты тайные. Лишь догадывались, но помалкивали. Собирал и запирали ларцы боярин самолично, а они только тайно грузили на коней. Все же Евпатию было никак не

обойтись без двух смысленных помощников. Вопросов они лишних не задавали. Если боярин велел собрать и погрузить – делали. Если еще чего велит, тоже сделают. А он велит. На то они его старшие приказчики, да самые верные люди во всей Рязани уж сколько годов подряд.

Место для первого схрона боярин приглядел заранее. На утро второго дня небольшой отряд поднялся на рассвете и, проехав пару верст вдоль Прони, неожиданно повернул назад по лесной дороге в сторону Оки. Ратиша, ехавший позади боярина и приказчиков, ничего не спрашивал, как и было велено. Так они двигались верст десять, а то и больше, до брошенного починка, где находилось не больше пяти обветшалых домов. Здесь боярин велел ратникам остаться, а сам с приказчиками уехал в лес. Вернулся он только к вечеру, усталый, но довольный.

Первое место он присмотрел на самом берегу Оки, в пещере, попасть в которую можно было только с воды. Вернее, даже с воздуха. Заприметил он эту щелку меж камней высокого утеса под самым обрывом еще в начала лета, когда с купцами на ладье с товарами сходил ради интереса вверх по течению до самой Коломны. Место здесь было тихое, безлюдное. У обрывистого высокого берега, поросшего кривыми соснами, с воды одни острые камни, – на ладье подходить опасно. Берег по верху весь лесом порос, да не красавицами-соснами, а сплошь почти кривыми деревьями, словно жизнь их постоянно испытывала на прочность. Места кругом необжитые, только починок брошенный в нескольких верстах имелся. Да людей там давно не водилось: не прижились они здесь. Со всех сторон буйный лес раскинулся на много верст, до ближайших городов – Рязани с Пронском – не меньше дня пути, а да Коломны больше двух переходов с лишком. И все по заросшей тропе, что гордо прозывалась лесной дорогой. Летом. А зимой тут вообще тишина. Только зверь бродит.

Прискакав на примеченное издали место, боярин еще не сразу отыскал утес и нужную часть обрыва. Пришлось побегать среди кривых сосен, несколько раз свешиваться вниз, пока приказчики его за ноги держали. Наконец он разглядел в сажнях трех под собой небольшую щель, уводившую вглубь утеса.

– Веревку взял? – уточнил он, выбравшись назад, у Захара, который стоял ближе к нему.

– А как же, – кивнул Захар, сдергивая с седла привязанной неподалеку лошади моток веревки. – Пеньковая. Большой вес держит. Проверял сколь разов.

– Вот и хорошо, – кивнул боярин, осматривая пустынную гладь Оки (к счастью, ни одного суденышка не было видно сейчас ни вверх, ни вниз по течению). – Давай ее сюда.

И, взяв конец, стал обматывать себя за пояс.

– Дозволь спросить, – поинтересовался, не выдержав, Захар, – ты что же, Евпатий Львович, сам вниз лезть хочешь с такой верхотуры?

– А ты думал, что мне силенок не хватит или ловкости? – прищурился боярин, которому солнце светило сейчас прямо в глаза.

– И в мыслях не было, – отмахнулся приказчик, – я о другом думаю. Не пристало тебе жизнью зазря рисковать. Ты человек давно государственный. Можно сказать, в двух шагах от воеводства. Давай я вместо тебя слазаю. Спрятать ларчик немудреное дело. Справлюсь. Не впервой золотишко прятать.

– А с чего ты решил, что там золотишко? – ухмыльнулся боярин.

Приказчик даже оторопел от такого вопроса, смолчал. И все же Коловрат на мгновение задумался, рассматривая коренастую фигуру Захара. Но затем отрицательно мотнул головой.

– Нет, брат, тут я сам должен. Ваше дело с Макаром меня покрепче держать, да не уронить, пока опускаться будешь. А как в пещере окажусь да факел запалю, – боярин похлопал себя по поясу, за которым был закреплен короткий факел из пакли, – привяжешь ларец крепко-накрепко, чтоб не выскользнул, и вниз ко мне спустишь. А потом меня назад дернешь. Все ясно?

– Как скажешь, Евпатий Львович, – не стал больше возражать приказчик, которому ясно дали понять, что лезет не в свое дело.

Обвязавшись веревкой, которую оба приказчика схватили и для надежности даже пустили вокруг ближайшей сосны, боярин откинулся на веревке на самом краю обрыва и пополз вниз, упираясь ногами. Берег был скалистый и почти отвесный. Веревка на вид хоть и прочная, но терлась о край скалы, скрипела и потрескивала нещадно под его весом, заставив новоявленного альпиниста

поневоле немного понервничать. К счастью, опыт горных операций из прошлой жизни, где не раз приходилось с помощью веревок карабкаться по скалам, пригодился и в этой. Боярин справился. Под ним, сажень в двадцати, плескалась холодная вода, облизывая острые камни. Оказавшись вскоре напротив заветной щели, которая в ширину была не более одной сажени, боярин замахал руками и крикнул помощникам:

- Эй, ребята! Стой!

Сверху на него глядели раскрасневшиеся лица приказчиков, застопоривших веревку и перегнувшихся через край скалы. От верхней кромки утеса было не так далеко, но ветер, отражаясь от каменной стены, шумел здесь уже изрядно, раскачивая боярина из стороны в сторону.

- Довольно, Евпатий Львович? - донеслось до него.

- Довольно, - кивнул боярин, - я отвязусь, а потом спускай ларец!

Приказчики одновременно кивнули, а веревка тут же чуть подалась вниз.

- Крепче держите, черти! - рявкнул на них Евпатий, погрозив кулаком. - А то уроните меня на камни.

Затем, раскачавшись, боярин ухватился за острый край и втолкнул себя внутрь темного проема, уходившего вглубь скалы, откуда пахло холодом и сыростью. Пока развязывал узлы на ослабленной веревке, присел на край камня, осматривая небольшую пещеру. По стенам ручейками кое-где стекала вода и виднелись пятна мха. Глаза еще не привыкли к темноте, и было плохо видно, что там впереди и как глубоко уходит эта расщелина. «Наверняка здесь птицы гнездятся, а то и змеи потомство выводят, - подумал боярин, осторожно посматривая себе под ноги, где разглядел птичий помет. - А может, и еще кто...»

Отвязав веревку, он вытолкнул ее наружу и, чуть высунувшись, крикнул своим помощникам:

- Спускай ларец!

Веревка ушла вверх и пропала из виду.

«А ну как они меня здесь оставят? – вдруг промелькнула шальная мысль у боярина. – Никто не знает, где я, бери ларец и беги куда глаза глядят. А куда я отсюда без помощников денусь? Самому-то не выбраться. Только вниз на камни сигать. Верная смерть».

Но, взяв себя в руки, он спокойно поразмыслил и отогнал эти панические мысли. Слишком уж хорошо жилось приказчикам у него в подчинении, прямо как у Христа за пазухой. Да деньгами он их не обделял, наверняка еще подворовывали чего-нибудь в обширном хозяйстве. Как же без того на Руси. Что охраняешь, то имеешь. И по всему выходило, что из-за одного ларца, пусть даже и, предположим, с золотом, бросать здесь хозяина не станут. Золота они и так довольно видели. Тут боярин вспомнил, что второй ларец находился сейчас здесь же, у Макара, к седлу притороченный. Но, подумав, остался при том же мнении. При хозяине, близко знакомом с самим князем, они получали гораздо больше выгоды, чем оставшись без него. Да и за последнее время Евпатий не раз мог убедиться в верности своих старших приказчиков. Даже с риском для их собственной жизни. И верность эта была не купленная.

Пока Захар и Макар возились наверху, обвязывая ларец, он решил исследовать небольшую пещеру и, когда глаза немного привыкли к темноте, направился внутрь. Сделав несколько шагов в глубь, Евпатий вдруг ощутил, как под ногой что-то зашевелилось. Боярин с отвращением отдернул ногу и увидел, как небольшая змейка скользнула вдоль стены и вскоре исчезла снаружи, не причинив ему вреда.

– Ах, что б тебя, – сплюнул Евпатий, ненадолго останавливаясь.

Постояв с минуту, он двинулся дальше, осторожно переступая через камни. Здесь уже было тихо, и даже осторожные шаги непрошеного гостя гулко отдавались под сводами. Через несколько метров ход неожиданно заворачивал вправо. Здесь боярин увидел небольшое расширение, углы которого тонули во мраке.

Коловрат уже было двинулся дальше, как вдруг из темноты что-то белое и мохнатое бросилось прямо ему в лицо. Он едва успел увернуться и присесть, когда большая птица, ударив его крылом и едва не выцарапав глаза когтями,

прошелестела мимо, выпорхнув наружу.

– Черт побери! – опять выругался боярин, замирая в ожидании еще какого-нибудь подвоха.

Но ни птиц, ни змей больше не было. Хотя при следующем шаге его сапог вновь задел что-то, но на этот раз твердое и длинное, похожее на палку. Эта палка звучно хрустнула под ногами. Боярин остановился и присмотрелся, благо глаза успели немного привыкнуть к полумраку. А потом сделал шаг назад. Перед ним лежал скелет человека, которому он только что наступил на ногу.

Напрягая глаза, Евпатий вдруг вспомнил про факел, торчавший у него за поясом.

– Вот дурья башка! – обругал он себя, достал короткую палку, обмотанную паклей, прихваченные по такому случаю кремь и кресало и высек искру.

Просмоленная пакля занялась быстро, и вскоре языки пламени заплясали, разогнав полумрак по углам.

Пещера озарилась красноватым светом. Видно стало не в пример лучше, и боярин смог пристальнее осмотреть все вокруг. Одежда на мертвце, ноги которого выдавались в проход, а голова почти упиралась в стену, истлела, но была, похоже, не бедной, – сквозь грязь поблескивали ошметки золотых нитей. Вещей никаких при нем не было, только изогнутый клинок сабли тускло отсвечивал в стороне, там, где когда-то была его рука. Может, защищался до последнего. Углы пещеры тоже стали заметны. Была она невелика. По сути, вся пещера здесь и заканчивалась. Не больше пяти шагов в каждую сторону. Рядом с мертвцом находилось гнездо, с двумя серыми в крапинку яйцами птицы, которую он от неожиданности не успел разглядеть – не то сова, не то куропатка. Но не птица его сейчас волновала. От нее никаких бед, кроме помета, ожидать не приходилось. Сколь бы сильной она ни казалась, а ларец не унесет. Даже хорошо, если со стороны кто приметит, что здесь птицы обитают, решит, что людей здесь нет. И все же они тут когда-то бывали.

– Похоже, не я первый заметил эту удобную расщелину в скалах, – пробормотал Евпатий, пристально разглядывая останки мертвца в отсветах мерцающего пламени, – кто-то здесь побывал задолго до меня. Аж кости успели побелеть. Интересно, кто?

Изогнутая сабля была похожа на клинки восточного происхождения.

– Уж не дружки ли моего учителя здесь добро хранили? – насторожился боярин. – А может, и он сам здесь чего спрятал? Прямо сим-сим какой-то получается.

Озадаченный своей находкой боярин внимательно обшарил все углы пещеры, но кроме одного клинка и груды истлевших костей ничего не нашел. Никаких награбленных сокровищ в бочонках или ларцах не было. А если что и было, то давно уже отсюда пропало. Впрочем, других входов в пещеру ни сбоку, ни сверху тоже не обнаружилось. Значит, попадали в эту природную кладовую только снаружи, тем же путем, что и он сам сюда додумался залезть. «Будем надеяться, – с сомнением подумал боярин, вновь глядя на высохший скелет и понимая, что отступить ему некуда, другого места искать уже не будет, – что не слишком часто попадают. Мои гостинцы хотя бы полгодика здесь должны пролежать, а может, и чуть поболее».

Вдруг что-то мелкое блеснуло у него под ногами. Наклонившись, боярин снял золотой перстень с огромным изумрудом с рассыпавшегося в труху пальца мертвеца. Евпатий был не из брезгливых, да и мертвецов на своем веку навидался. Он в прошлой жизни почти теплых осматривал по необходимости, а этот уж давно Богу душу отдал. И только разглядев странный перстень – изумруд был обхвачен по бокам двумя перекрещенными саблями искусной работы, явно делали на заказ, – боярин вдруг обратил внимание на то, что должен был заметить уже давно. В мерцающем свете, где темнота колебалась, как туман по углам, он не сразу сообразил, что у мертвеца нет головы.

– Вот это да, – задумчиво произнес боярин, отступая на шаг, чтобы убедиться, не померещилось ли ему, – кто же ты такой и как здесь оказался? За какие такие заслуги тебе башку оторвали?

Выглядело это странно. Особенно для разбойников, гонявшихся за звонкой монетой и побрякушками. Если ограбили, то почему перстень и клинок дорогой, тоже, кстати, изумрудами украшенный, оставили? Больше походило на месть, а эти дорогие вещи не сильно волновали тех, кто лишил головы их владельца. Но кто же он такой и зачем пришел в это потаенное место? Размышляя над неожиданной загадкой, Коловрат впал в задумчивость и даже на некоторое время позабыл, зачем он сам здесь очутился. Только едва слышные крики,

донесшиеся снаружи, вывели его из оцепенения. Приказчики, выполнив указания в точности, похоже, уже давно пытались дозваться своего хозяина. Боярин бросился назад к входному отверстию и заметил, что ларец уже болтается напротив него на скрипучей веревке.

Недолго думая, боярин схватил веревку, притянул ларец к себе и благополучно поставил его на дно каменного прохода. Затем отвязал и скинул наружу веревку, которая осталась болтаться там, дожидаясь на этот раз его самого.

– Порядок! – крикнул он, вновь высунувшись ненадолго, своим приказчикам, обеспокоенные лица которых заметил над скалой. – Скоро буду!

Дотащив ларец до пещеры, Евпатий поставил его в самом дальнем углу. Рядом с тем местом, где когда-то была голова неизвестного мертвеца. Присыпав его камнями, больше для очистки совести – разыскать клад здесь было проще простого, – боярин уже было направился к выходу, но вдруг остановился и поднял клинок, отряхнув его от пыли. «Возьму с собой, – решил боярин, который любил загадки, засунув его за пояс, – вдруг со временем дознаюсь, кто таков был». Перстень с изумрудом и перекрещенными саблями он уже спрятал в глубокий потаенный карман.

– Охраняй мой ларец, – наказал Евпатий мертвецу. – Да, смотри, не балуй!

Выкинув наземь факел, который от сырости зашипел и потух, Коловрат лихо ухватился за веревку и вновь оказался снаружи.

– Тащи, чего смотришь! – крикнул он сквозь порыв ветра своим заждавшимся помощникам.

Веревка тотчас пришла в движение и мощными рывками пошла вверх. Боярин устремился туда же, отталкиваясь ногами от скалы. И скоро был уже на краю утеса, с удовольствием вновь ощутив под ногами твердую землю, лежавшую к тому же, как и положено, вдоль горизонта.

Глава вторая

Неизвестный отряд

К обеду, измазав боярский клинок и едва не сломав лопату, приказчики наконец-то закончили копать яму почти в сажень глубиной. Осторожно опутив туда второй ларец, присыпали мелкими камнями и землей. А затем с помощью самого Евпатия вернули тяжеленный валун на место.

– Ну вот, – подытожил тайную работу, осторожно приминая мягкую землю вокруг валуна, Захар, – почитай, ничего и не видать. А пройдет пара дожδικов, так вообще земля пообмякнет и расползется как следует.

– Ага, следы наши смоеет, и трава приподнимется, как раньше, – добавил Макар, возвращая протертый от грязи меч своему боярину, – и никто из людей, кроме нас, не узнает, что мы здесь ларец драгоценный схоронили. Так что будь спокоен, Евпатий Львович.

– То, что знают двое... – начал было вспоминать расхожую пословицу боярин, но остановился на середине.

Посмотрев на солнце, даже сейчас почти не проникавшее в заросшую густым лесом низинку, где царил полумрак, выдохнул, сжал рукоять меча и, вспомнив неизвестного мертвеца из пещеры, медленно продолжил другими словами:

– ...для порядка, надо бы вас кончить обоих...

Услышав это, приказчики замерли в оцепенении, поглядывая на тускло блестящий клинок в руках своего хозяина.

– Пощади, Евпатий Львович, – пробормотал Захар, у которого даже глаз задергался от такого поворота в жизни, – мы ж тебе верой и правдой...

– Да, только люблю я вас больно, как нянек своих, – вдруг громко рассмеялся боярин, для острастки выдержав-таки паузу, за которую оба приказчика едва не поседели. – Вы же мне жизнь спасли. Так что живите. А про клад сей никому ни

слова. Через него еще, быть может, земля наша рязанская спасется.

– Не сомневайся, Евпатий Львович! – чуть ли не вскрикнул Макар, у которого отлегло от сердца, когда боярин засунул меч в ножны. – Мы же с Захаром – могила! Сам знаешь. Пытать вороги будут, не признаемся.

– Вот то-то и оно, – удовлетворенно ухмыльнулся боярин, забираясь на коня с помощью того же Макара, который услужливо поддержал стремя, – могила. Это ты верно сказал. Ну ладно, поспешать надо. Поехали в деревню. А то Ратиша с воинами нас уже заждались, наверное.

Всю обратную дорогу из глубины замшелого леса до мест более проходимых приказчики держались позади боярина на приличном расстоянии, словно боялись, что он вдруг передумает и закончит то, что внезапно высказал вслух. Евпатий их не осуждал, но и не торопился вновь облобызать. Шутка вышла хоть и злой, но по нынешним временам вполне обычной. Нравы здесь были как раз подходящие. Приказчики его – люди верные, но проверяла их жизнь пока только «водой и медными трубами». А вот «огня» еще в их жизни не было. Впереди предстояла большая война, в этом Евпатий давно не сомневался. Кто знает, на что решится человек, когда кругом начнется кровавая свистопляска. Когда речь не о деньгах пойдет, а о самой жизни. Вот тут-то верность хозяину может пойти на излом. А небольшая порция страха в таком случае, как ни странно, только помогала держать в узде нужных людей. Оказавшись в этой новой жизни, да еще угодив в самую гущу высокой княжеской политики, Кондрат Зарубин мало-помалу стал разбираться в методах управления людьми даже лучше, чем освоил их, воюя в Афганистане. Ведь теперь он даже не сотнями командовал, а целой тысячей. Не ровен час и больше доверят. Хотя, признавался он себе, афганский опыт тоже сослужил хорошую службу.

Поездка в чашу леса заняла больше времени, чем было рассчитано. Только к вечеру путники добрались до заброшенной деревни, – а в этом тайном странствии рязанский боярин старался выбирать только такие стойбища, – где их встретил Ратиша, и в самом деле встревоженный отсутствием своего хозяина.

– Все ли в порядке, Евпатий Львович? – поинтересовался за ужином у костра бывалый ратник, который обычно таких вопросов не задавал. – Жив ли, здоров? Никто из худых людей по пути не попался?

Он скользнул взглядом по лицам приказчиков, словно ожидая от них ответа. Но те, сидевшие у огня по левую руку от боярина, молчали, осторожно поглядывая на своего хозяина.

– Чего ты меня вопросами пытаешь, Ратиша? – невольно удивился боярин, с удовольствием поедая копченого лося, убитого ратниками не далее как сегодня днем и освеженного к его прибытию. – Хорошо всё. Или случилось у тебя что? Рассказывай, если есть что поведать. Я не тороплюсь.

Боярин был немного усталым, но довольным. Самая опасная часть его экспедиции закончилась, дело удалось повернуть тайно, не вызывая лишних вопросов. На глаза никому из знакомых бояр или проезжих купцов они не попались, поскольку плутали только лесными тропами, сторонясь даже проезжих дорог. И вот теперь Ратиша вдруг начал нагонять тумана, отчего Евпатий немного напрягся. Хотя, что бы там ни было, сохранению тайны двух кладов это уже не грозило.

– Да как сказать, – начал Ратиша, отпивая из походного бурдюка медовухи и стряхивая капли с усов, – не то чтобы случилось. Но кое-что было.

– Не томи, – приказал боярин, отбирая у него бурдюк и тоже прикладываясь к хмельному напитку.

– В общем, как только вы уехали, – начал Ратиша, проводив взглядом свой бурдюк, который к нему так и не вернулся, – я послал двух людей объехать для порядка деревню и пройти вдоль берега Пары. Чтоб не заскучали от безделья. Людей здесь, в деревне, нет, но выше по течению в трех верстах кордон стоит. Мы туда только завтра собирались, ну я и решил дорогу проверить, куда вас нету. Мы ведь для того и прибыли, чтоб кордоны проверять?

– Ну да, – не стал спорить уже слегка захмелевший боярин, припоминая, что именно с этой целью для отвода глаз он и выехал из Рязани. Проверить мелкие пограничные кордоны, где ютились стражники на случай внезапного появления неприятеля. Только за несколько дней пути рязанские воины толком еще ни одного кордона не проверили, поскольку до сих пор крутились возле самой Рязани. И только сегодня оказались на приличном удалении от нее. Так что инициатива Ратиши была тайному предприятию только на руку, и боярин его ругать не стал. Тем более что рассказ еще только начинался.

– Понятное дело, что до мордвы еще далеко, – как бы извиняясь, пояснил бывалый воин, – но и здесь ведь хоть и ближе, но уже пограничье почти.

– Это верно, – кивнул боярин, припоминая местность, в которой они сейчас находились, – продолжай.

Заброшенная деревенька, которую Евпатий выбрал в этот раз для поста своей охраны, находилась на расстоянии в полверсты от берега довольно крупной реки под названием Пара, впадавшей в Оку много восточнее того места, где в нее же впадала речка Проня. Между двумя этими точками находилась Рязань, от которой они позавчера взяли на северо-восток и ушли лесами почти на шестьдесят верст, оказавшись в верховьях этой самой Пары. То есть сделали почти полукруг. Собственно, Евпатий собирался сделать целый круг. И вернуться вдоль этой реки до места впадения в Оку и там уже протоптанной дорожкой подойти к Рязани, но только с другой стороны.

Места здесь были пустынные, жителей мало, дорог почти нет, только редкие деревеньки да жилища монахов-отшельников попадались вдоль реки. Местные племена большим числом обитали в основном по лесам, и до их жилищ еще нужно было добраться. Далее, за речкой Парой, в нескольких днях пути на восток, начинались и вовсе глухие леса. А потом и пограничные земли мордвы по реке Мокше.

Примерно на таком же расстоянии, только если скакать на юг, несла свои воды река Воронеж. По официальной легенде, которую Коловрат озвучил князю Юрию, он отправился в эти приграничные земли с проверкой дальних кордонов, что стояли по границам Рязанского княжества аккурат на этих реках. А заодно и должен был принюхаться к здешним пограничным жителям, о делах которых в последнее время доходили в Рязань не очень приятные известия. Будто бы они имели тайное сношение с татарами и готовы были в случае вторжения примкнуть к ним, предав княжескую власть. Коловрат в слухи эти особо не верил, но, как военный человек, к тому же втянутый невольно в политику, допускал, что они могли иметь под собой основание. Местные лесные племена, из всех, подвластных Рязани, особенно долго сопротивлялись и не хотели платить дань князю Юрию. Не так и давно их сопротивление было сломлено, а зачинщики казнены. На юго-восточных границах наконец воцарился мир. Но он здесь всегда был шатким. И появление татар в Волжской Булгарии легко могло этот мир снова нарушить.

На последнем совете князь Юрий сам заметил: если татары и придут на рязанскую землю, то именно с этой стороны. А потому распорядился построить еще больше кордонов, с которых гонцы по лесам могли быстро достичь Рязани, чтобы сведать о приближении больших сил врага заблаговременно. И предложение тысяцкого Коловрата проверить ход этих работ только приветствовал. Да и воевода Богдан не стал спорить. Он только рад был услать своего подопечного подальше, чтоб глаза не мозолил со своими бесконечными идеями и советами, как укрепить Рязань на случай приступа.

Евпатий давно задумал тайную экспедицию в эти глухие и беспокойные места. И князю она казалась важной, а потому он разрешил брать с собой людей сколько потребуется. Но боярин даже не стал сообщать князю и воеводе, сколько людей взял для такого важного дела. Иначе вопросов не оберешься, почему хотя бы сотню ратников с собой не взял. Да еще уехал так тихо, что и спросить никто не успел. «Приеду, отбрехаюсь, – решил про себя боярин, – главное, ларцы надежно припрятал».

– Так вот, – донесся до него сквозь легкий хмель неторопливый сказ Ратиши, – мои молодцы, как отъехали на пару верст вверх по реке, заметили на той стороне каких-то странных людишек. Человек пять сначала. Не наши ратники с кордона, это точно.

– Отчего странных? – удивился Евпатий, которому становилось все веселее.

– Да копошились они на берегу реки больно подозрительно.

– Ты о чем? Может, это местные рыбу ловили.

– Да не было у них, говорят, ни сетки жаберной, ни удилиц с собой. Да и к самой воде они вовсе не подходили, больше по кустам шастали.

– Ну, так что ж с того, – не мог взять в толк боярин, – и чем же они тебе не угодили? Грибы искали, может, али ягоды собирали. Места тут для таких занятий вполне подходящие.

– Не похоже, – продолжал Ратиша.

– А на что похоже?! – рявкнул, не выдержав, Коловрат. – Говори скорее.

– Хоронили они что-то в земле тайно, – ответил Ратиша, посмотрев в глаза своему боярину, – вот на что было похоже.

Услышав такое предположение, Кондратий поперхнулся медовухой. Даже бросил обратно бурдюк с остатками рассказчику.

– С чего ты взял? – прохрипел он, отфыркиваясь.

– А с того, – спокойно продолжал бывалый воин, глянув на Захара, – что одеты они были вроде по-нашенски, как подмастерья какие али купцов помощники, да только не было при них товаров никаких да инструментов подручных. Подвод с лошадьми тоже вроде было не видать. Ну, может, не углядели, и телеги где спрятаны были, все же через реку следили за ними. А в землю они хоронили что-то длинное и тяжелое, в холстину обмотанное. Да и рожи, как мои ребятушки сказывали, уж больно на татарские похожи, хоть и в шапках наших.

– И что там, думаешь? – уже без ерничества опять уточнил боярин, чуть подавшись вперед. – Может, то лихие люди были, и они там мертвецов своих схоронили, подальше от любопытных глаз.

– Нет, боярин. Оружие, думаю, прятали, – сообщил Ратиша, вновь посмотрев прямо в глаза Евпатию, – мечи да копья. Больно уж тяжела та поклажа, что они в землю запрятали. Да на ларцы с золотом не похожа.

Услышав про ларцы, боярин бросил настороженный взгляд на своего начальника охраны. «Догадался про ларцы или просто так, к слову пришлось?» – промелькнула мысль в голове у Кондратия. Решил, что совпало. Хотя такие совпадения в один день его совсем не радовали, а скорее напрягали. Ладно, в любом случае надо будет выяснить, что там спрятали в землю эти непонятные люди, видом схожие с татарами, золото или оружие.

– А на что им здесь оружие прятать, на нашей земле? – не поверил своим ушам Евпатий, даже усмехнулся в ответ. – У них что, своего не хватает? Али татары, если то, конечно, были они, солить его собрались?

– Про то мне неведомо, – ответил Ратиша, допив медовуху и крякнув в усы, – но полагаю, что для племен местных, на случай войны с татарами. Чтобы по первому зову вооружились и на кордоны наши напали со спины, путь на Рязань открыв. Али что другое учинить, лишь бы князю во вред.

От такого предположения боярин даже протрезвел мгновенно: уж больно походило оно на правду и с тайными сообщениями князю от верных людей совпадало. Все могло именно так и случиться. Особенно в этих местах и с племенами местными, что готовы были нож в спину ратникам рязанским всадить, едва те отвернутся.

– Уговорил, завтра утром посмотрим, примерещилось все это твоим бойцам или нет, – решил Евпатий, закрывая тему, – здесь недалеко должен быть брод. Да и кордон пора проверить.

– То-то и оно, – кивнул Ратиша, – и людишки эти странные о броде том все ведали. Откудова, если им местные не помогают? По нему вскоре вниз по реке и ушли на конях. А числом их оказалось человек десять, оружия с виду нету, но в седле держатся так, что местным лесным обитателям до них далеко. Да и не купцы, только прикидываются. Не отсюда они. Сразу видно. Хотел я проследить за ними, но так ловко ушли, что не догнать.

– Ладно, давай спать, – приказал боярин, – утром разберемся, что к чему.

И, подумав, добавил:

– Только людей охранять наш сон поставь побольше. Мало ли твои непонятные людишки вернуться задумают. Силы-то у нас с ними почти равны, если верить твоим рассказам. А береженого бог бережет.

– Верно, – согласился Ратиша, – я и сам тебе, боярин, хотел предложить.

Ночь прошла спокойно. Никто не потревожил боярский сон. А наутро, едва рассвело, Коловрат, приказчики и все ратники были уже в седлах. Хорошо отдохнув после скитаний по лесам, Евпатий рвался в бой. Его так раззадорили рассказы начальника своей охраны, что уже не терпелось поскорее отыскать этот схрон и узнать, что в нем лежит.

«Странное дело. Не один я, похоже, в эти дни решил упрятать под землю свои тайны, – раздумывал Евпатий, покачиваясь в седле по дороге к недалекому броду, – интересно, что эти „татары“ там заложили. Хотя странно все как-то получается. До границы не так чтобы и близко. Это какую наглость надо иметь! Хотя здешние границы никакой полосой и колючкой не оборудованы. Одно название, да и то не точное. Так что, может, и правда, татарские разведчики тайно уже рыщут по нашим землям, народ на бунт подбивая. Слышал я про такую тактику».

– Скоро ли брод-то твой? – прищурившись на солнце, спросил Евпатий у ехавшего рядом Ратиши, когда они почти достигли берега реки, делавшей здесь небольшой поворот.

Днем река Пара казалась довольно бурной, хотя и была здесь, в верховьях, не слишком широкой. Но сейчас, когда едва рассвело, вода спала, обнажив прибрежные валуны.

– А вон там, – вскинул руку усатый воин, – чуть ниже по течению. За излучиной.

Переправившись без происшествий, несмотря на каменистое дно, – вода едва доходила лошадям до колен, – небольшой отряд поднялся на другой берег. Оба берега Пары были довольно пологие с изредка встречавшимися валунами в рост человека. По всей длине, на сколько хватало глаз, берега буйно поросли лесом и кустами. «И как мои ратники смогли здесь что-то рассмотреть?» – удивлялся Евпатий, глядя на буйную растительность, когда они уже ехали шагом вдоль берега, пристально вглядываясь в прибрежные кусты, к тому самому месту, где ожидали найти схран.

К удивлению боярина, его дружинники, вчера заприметившие тайного врага, точно указали место. Они запомнили расположение деревьев и камней и сейчас словно видели перед собой красный крестик на карте, указав на нужные кусты.

– Вот здесь они вчера копошились, – уверенно заявил один из них, косая сажень в плечах, – да вон и следы от копыт...

– Хм, – пробормотал Евпатий, разглядывая многочисленные следы, – может, и правда степняки пожаловали.

И махнув рукой, добавил:

– Ищите схрон. Надобно глянуть.

Порыскав недолго, ратники легко отыскали свежие следы на земле под кустами, а затем, похватав мечи, принялись ими разрывать берег, ибо других инструментов не нашлось. Лопату Захар по пути из Рязани прятал под попоной, а вчера, на обратной дороге, выкинул в какой-то ручей. Коловрат ему сам приказал, чтобы не было вопросов. Глядя на все это, боярин вспомнил свои вчерашние усилия по маскировке схрона и загрустил, отгоняя мрачные мысли.

Вскоре ратники разрыли первый схрон, из которого извлекли на свет божий длинный сверток. Он был плотно упакован в кожу, а сверху обмотан холстиной, как и рассказывал вчера Ратиша. Осторожно развернув, русичи обнаружили внутри почти дюжину копий средней длины, с десятков кистеней, пять коротких луков и колчан со стрелами. Во втором схроне, что обнаружился неподалеку, лежали изогнутые сабли и луки со стрелами. Затем отыскался схрон с топорами и мечами. Ратиша вынул одну из стрел и внимательно разглядел наконечник, потом осмотрел другое оружие.

– Не наши это стрелы. И луки тоже, – заявил он вскоре. – Да и сабли. Степные. Похожи на половецкие.

– Ну, вот тебе, бабушка, и купцы заезжие, – присвистнул от удивления боярин, – это как же они сюда столько оружия протащили в обход наших кордонов?

Тот растерянно пожал плечами. Но Евпатий ответа и не ждал, он уже принял решение. А посмотрев на Ратишу, коротко приказал:

– Двоих здесь оставь. Тех самых, что врагов углядели. Вернемся в Рязань – награжу обоих. С остальными едем на кордон. А потом в погоню. Далеко не уйдут. Хочу лично побеседовать с этими купцами заезжими, что такие гостинцы к нам привезли. Потолковать о том о сем.

Ратиша покачал головой. Словно хотел намекнуть старый следопыт, что догнать их будет уже невозможно, вчера еще ушли. Но перечить не стал. Одного взгляда на тысяцкого было достаточно, чтобы понять: он уже взял след и ни за что не отступится.

Глава третья

Погоня

Еще не наступил полдень, а они уже переправились обратно на этот берег и скакали во весь опор по лесной тропе, что петляла вдоль него. Ратиша по едва заметным следам определил, что незваные гости идут пока по этому берегу в сторону Рязани.

После визита на кордон их отряд пополнился еще десятком ратников, которых рязанский боярин и тысяцкий временно зачислил в свое небольшое войско, пользуясь собственной властью да именем князя Юрия. Впрочем, особо давить на местного сотника не пришлось, тот прекрасно знал самого Коловрата, даже не так давно еще служил обычным ратником под его началом в сотне Белояра, пока служба ратная не вознесла его самого за воинские умения на новый пост и не забросила на этот отдаленный кордон. Имя он носил тоже как нельзя лучше подходящее к этому месту – Держикрай[1 - Держикрай – это порубежник, пограничник.].

– До недавних пор у нас все было тихо, Евпатий Львович, – поведал ему утром после встречи сотник Держикрай, от сотни которого здесь находилось уже не более половины ратников.

Остальных он, едва прибыв сюда, отправил на два других кордона, еще ближе придвинутых к верховьям Мокши и Воронежа. Оттуда, с дальних рубежей державы князя Юрия, гораздо чаще приходили весточки о нарушителях границы то мордвой, то половцами, то лихими людьми, которые прятались по лесам в неизвестном количестве. Все кордоны стояли на пересечениях лесных и водных путей, связаны были меж собой тайными тропами, по которым порубежники могли с гонцом быстро передать весточку друг другу, а то и в саму Рязань. По земле или по воде, это уж как придется. Так что о любом набеге на приграничные земли в Рязани могли знать уже через два дня, если скакать без

роздыха. Только в случае с кочевниками, подумал боярин, это не всегда помогало. Они сами двигались с такой скоростью, что могли быть под стенами столицы княжества даже раньше гонцов. Впрочем, это если они разведали все пути и двигались без обозов. Да еще летом. А иначе путь от южной границы до сердца княжества мог растянуться на неделю, а то и поболее. Проезжих дорог ведь почти не было.

– Вот и говорю, – повторил сотник, нахмурившись, – по весне еще все тихо было. А вот летом уже как будто запруду прорвало. Только и успеваем весточки с дальних кордонов получать да в Рязань слать, что, мол, то тут, то там видели какой-то летучий отряд непонятных людей. С виду вроде наши, а по повадкам явные степные разбойники. Но вот схрон с оружием ни разу не находили, моя вина. Проскачут, груженные тюками, сбросят поклажу и в лесах налегке растворяются. Только их и видели. Поди догони. Неужто те самые татары?

Боярин кивнул, мол, похоже, они.

– Спасибо, Евпатий Львович, что поведал об этом. Значит, вот зачем они сюда повадились. Племена лесные против нас мутить. А мы все не поймем, что им надобно было. Не грабят никого, не хватают. Теперь-то ясно, зачем.

Сотник облизал обветренные губы и продолжил доклад:

– С тех пор как болгар разбили, много больше стало нарушителей. Разбойники лихие, понятное дело, с Дикого поля туда-сюда гуляют по окрестностям. Куда ж без них. Только не все тут разбойники. Булгары попадают, что на Русь бегут. А куда им деваться от беды? Мордва лезет да половцы – тоже, кстати, побитые. Ну вот промеж беженцев этих летучие отряды и сочатся, под русичей разодетые. Мы их ловить пытались сколь раз, да все никак. Уходят сквозь пальцы. Наверняка им местные помогают. Такая кутерьма идет. А они все лезут и лезут сюда. Житья не дают. И главное, ведь войны-то никакой у нас нет!

Держикрай заглянул в глаза рязанскому боярину, что стоял, скрестив руки на груди, напротив него в башне небольшой крепостицы, выстроенной на лесном холме у реки.

– Ты скажи, Евпатий Львович, неужто скоро начнется?

– То одному Богу ведомо, – мотнул головой Коловрат и добавил с неудовольствием: – Я вот как раз лазутчиков твоих, коих ты не поймал до сих пор, хотел догнать да порасспросить. Только людей у меня маловато. Да и у тебя, я гляжу, негусто. Но дай-ка мне хотя бы десяток. Я тебе их через несколько дней верну, как поймаем. Думаю, к мордве они пошли сейчас, на Мокшу, там леса густые, просочиться обратно на Волгу да в степь легко.

– Забирай, Евпатий Львович, – махнул рукой сотник, – У меня тихо пока. А для такого дела не жалко. Я бы и больше дал, да нету.

– Ничего. И десятка хватит. Больших отрядов у них здесь быть не может, а с малым я и так справлюсь. Авось догоню. А ты пока окрестные деревни прошерсти, – не зря же эти лазутчики схрон почти у тебя под носом устроили. Значит, местные готовы их поддержать, случись что.

– Всех перетрясу, – пообещал Держикрай.

На том и порешили.

К вечеру отряд Коловрата достиг еще одной переправы, на которой сходилось несколько лесных троп, – городов в этих краях не было, как и дорог к ним проезжих, а деревням, разбросанным по лесам, и тропинок хватало. Следы здесь начинали кружить. Ратиша даже спешился, чтобы определиться, куда ушел враг.

– Здешние лесные жители привыкли сквозь чащу ходить без страха, – пояснил он боярину, как бы извиняясь за то, что они все плутают по лесам, – ибо выросли здесь. Им и дороги ни к чему.

– Да оно понятно, – кивнул Евпатий, оглядывая густой лес, вплотную подступавший к реке, – ты скажи, куда нам дальше скакать? А то в таком месте стоять – на засаду нарваться легко, особенно если эти гости уже народ лесной взбаламутить успели.

Но Ратиша будто его не слышал. Не отрывая взгляда от земли, он прошелся в одну сторону от развилки, затем вернулся к ней и сделал дюжину шагов по другой тропке, что вела в противоположном направлении. Там он вновь остановился, присел на одно колено, погладил землю правой ладошкой, даже

взял ее в горсть и понюхал. Затем встал, отряхнул ладони, видно закончив свои наблюдения, и, довольный, приблизился к боярину. Коловрат все это время настороженно наблюдал за действиями бывалого следопыта.

– Разделились они здесь, Евпатий Львович, – доложил Ратиша, положив руку на холку боярского коня.

– Час от часу не легче, – озадачился боярин.

– Трое ушли дальше к Рязани, а остальные... не то семь, не то восемь всадников, – Ратиша махнул в сторону воды, – переправились вновь через реку и пошли лесами в сторону Мокши.

Коловрат задумался на минуту, а потом уточнил, глядя сверху вниз на бывалого ратника:

– Что скажешь, торопятся они, или как? Про погоню знают?

– Не похоже, – ответил ратник, указав рукой куда-то в лес, – вон там, чуть в стороне от берега, следы ночевки. Ночь они здесь провели, а потом, видно, решили разделиться. Не видно, чтобы сильно беспокоились о погоне. Думают, что все тихо.

– Значит, не ждут нас, – удовлетворенно кивнул Евпатий, – это хорошо.

Он опять умолк на короткое время.

– Трое влево ушли, а остальные через реку, говоришь? – переспросил боярин, как бы размышляя вслух. – Если эти трое вдруг надумают еще разделиться, то по одному мы их никогда не переловим. А из двух зайцев выбирают того, что пожирнее. Верно, Ратиша?

– Верно, Евпатий Львович, – кивнул следопыт, – целый отряд, даже в лесу, разыскать легче, чем одного или двух путников. Следов всяко больше. То копыто увязнет, веточку подломают где. Это ж не степь.

И добавил, посмотрев в сторону стоянки татарских разведчиков:

- Странно только – что они тут костров не жгли.

- Что же тут странного, – пожал плечами Евпатий, – это как раз понятно. Если не купцы они и не мастеровые люди, чего им зря прятаться. Вроде по своей земле идут. А вот если не те они, кем кажутся, тогда и огонь разводить опасно. Сам говорил, местные здесь постоянно по лесам шатаются. Да и переправа в двух шагах. Не все же они тут предатели. Мало ли кто заметит из верных Юрию людей да донесет куда следует.

- Может, и так, – кивнул Ратиша, – только для нас важно, что они здесь ночь простояли и время потеряли. А мы расстояние в пути сократили. Если бы они еще вчера туда ушли, то ни в жизнь бы мы их не догнали. А теперь...

Ратиша и сам теперь призадумался, словно прикидывая что-то в уме.

- А теперь до них, думаю, не больше чем полдня пути. Если припустить, то, может, и нагоним, пока к мордве не уйдут.

- Не ведают они про погоню, значит, – ухмыльнулся рязанский боярин, погладив рукоять меча, – вот и славно. Значит, шанс у нас появился. Ратиша, переправу пройдем прямо сейчас?

Бывалый воин посмотрел на реку, покачал головой с сомнением, но все же дал утвердительный ответ.

- Река сужается, вода высокая, но берега здесь пологие, а дно, я знаю, – бывал здесь однажды, – ровное. Не зря здесь аж несколько дорожек сходятся. И место для переправы не зря именно здесь выбрано. Коням по грудь сейчас будет, может, и поплавать придется, но не долго. Пройдем.

- Ну, тогда... – боярин приподнялся в седле и махнул рукой в сторону реки.

- Переправляемся на ту сторону прямо сейчас. Берем след и вперед идем, покуда не стемнеет. А там поглядим, что разглядим.

И первым бросил коня в воду, подняв пенные брызги. Где-то на середине реки течение показало свой характер. Конь под боярином оторвался от каменистого,

но пологого дна и поплыл, истово заработав ногами. Но, как и предсказывал Ратиша, снесло его не далеко. Буквально через пару дюжин шагов боевой конь опять ощутил землю под копытами и вынес седока на противоположный берег Пары. Следом за ним без потерь переправился весь отряд.

Вернувшись назад, чуть вверх по течению, и отыскав тропу, Ратиша вновь обнаружил следы. Отряд лазутчиков, вернее его часть, направилась прямо по тропе.

– Вот и хорошо, – радостно кивнул Коловрат, выливая воду из сапог и вновь забираясь на коня, – Не чувят погони пока. Вперед. Будем скакать, пока не стемнеет. Авось, догоним.

И небольшой отряд рязанских ратников во главе с тысяцким устремился по лесной дорожке, уводившей в глубину леса. Так они скакали до самых сумерек, никого не встретив, временами сбавляли ход, чтобы пересечь мелкие речки, ручейки или завалы из повалившихся на дорогу сосен и берез, которые никто не разбирает. Преодолев или обходя с трудом несколько таких завалов, появлявшихся на пути с завидной регулярностью, Коловрат заметил кое-где не только деяния природы, но и руку человека. У него появилось ощущение, что эти преграды были словно специально выстроены, чтобы задержать воинские отряды княжеских людей, если они надумают здесь появиться. Ведь не против татар же – которые еще на Русь не нападали – они были сооружены? Некоторые из таких завалов были довольно свежие. И чем дальше они продвигались, тем сильнее крепили у боярина эти подозрения. В конце концов он поделился ими с Ратишей, который ехал с ним бок о бок. Приказчики держались по привычке за спиной боярина.

– Я слышал, на этой тропке, верст через десять от речки, деревенька есть, – сообщил Ратиша боярину, – Больше половины расстояния мы уже прошли. Может, татары переодетые туда идут?

– Думаешь, их там ждут?

– Может, и ждут, – кивнул Ратиша, – больно уж нагло идут. Не таясь, прямо по тропе, что здесь за дорогу почитается.

– Так тут больше и негде идти, – криво усмехнулся боярин, поглядывая на заросшие непроходимым лесом, кое-где переходившим в сплошной бурелом, окрестные холмы. – Одна радость, если они идут по тому же пути, что и мы, значит, скорость и они потеряли. И мы их скоро нагоним. Пока что даже свернуть тут негде.

– Вот если они в деревеньке той на ночлег встанут... – мечтательно произнес Ратиша.

– Думаешь, до такой степени обнаглеют? – уловил его мысль боярин, крепко держась за узду на тряской дороге. – Ну, если так... Вот к ночи мы как раз до нее доберемся и впотьмах нагрянем в гости. Если кто есть, всех и повяжем. Они нас не ждут. Отучим раз и навсегда незванными гостями являться.

Когда совсем стемнело, отряд добрался до очередного завала, который показался в темноте гораздо больше остальных. Настолько больше, что походил скорее на последний рубеж обороны, прикрывавший населенный пункт, не имевший крепостных стен. Так, во всяком случае, подумалось Евпатию, когда он остановил коня перед поваленными соснами, что преграждали дорогу дальше.

– Ратиша, – позвал он старшего из ратников, когда тот остановился рядом с ним, – разведать надо. Чует мое сердце, что деревенька искомая уже совсем недалече. Пошли вперед смышленных бойцов. Пусть разнюхают, что там и к чему. А мы здесь спешимся и обождем. В бурелом пока не полезем, мало ли что впотьмах прилететь оттуда может. Хоть и наша земля, да, похоже, гнилая.

– Сделаю, Евпатий Львович, – кивнул Ратиша, поглядев на желтую луну, что пряталась за облаками и была почти не видна из-за высоких деревьев, обступивших дорогу.

Он спрыгнул с коня и, подозвав троих ратников, объяснил им задачу. Вскоре все трое исчезли в лесу, растворившись, словно духи бесплотные, и ни одна веточка не хрустнула. А Ратиша выставил кордоны из ратников. Человек десять, привязав коней, с луками и оружием наготове, расползлись по завалу со всех сторон, подготовившись к внезапному нападению. Остальные воины во главе с Коловратом остались ждать в седлах на дороге.

– Дозволь спросить, Евпатий Львович, – поинтересовался Захар, оказавшийся рядом, – отчего такие приготовления. На своей же земле. Неужели думаешь, что народ рязанский против князя пойдет в открытую?

– Народ рязанский, – терпеливо шепотом объяснил Коловрат, прислушиваясь к лесным шорохам и уханью совы в чаще, – в Рязани сидит и лапти вяжет. А здесь, ближе к границе, да подальше от князя, уже такая смесь образовалась из вятичей, мордвы, мещеры да лиходеев всяких разношерстных, что они не только князя, а вообще никого признавать не захотят. Только волю им дай. Забыл, что ли, сколько крови здесь Юрий пустил, пока к покорности привел?

Захар ничего не ответил, размышляя. А Евпатий облизнул пересохшие от долгой скачки губы и продолжил:

– Завалы эти видишь? А сколько их нам по дороге сюда встретилось? Думаешь – ветром навалило? То-то и оно. Зачем бы нашим верноподданным холопам такое городить, если они не задумали отомстить князю да с татарами дружбу свести. А схроны с оружием для кого в этих местах?

Захар опять взглянул на своего боярина.

– Так чтобы на такое решиться в открытую, нужно знать наверняка, что уже скоро нагрянут, – пробормотал он. – Неужели они давно сговорились?

– Давно или нет, не ведаю, и когда завалы эти нагородили, тоже, – кивнул в ответ боярин. – Только сюда наши ратники раз в год по обещанию захаживают, да разве что дань собирать. В этом году, видать, еще не наведывались. Вот и смекай. А что готовятся к приходу татар, это к бабке не ходи. У меня на такие дела нюх. Вот поглядишь, здесь они.

И тут приказчик задал вопрос, от которого сам боярин призадумался.

– Послушай, Евпатий Львович, – пробормотал приказчик, запинаясь от своих выводов, – татар-то, что мы ищем, меньше десятка. Но ежели ты прав в догадках своих, тогда ведь тут все племя ихнее может собраться. А сколько их там – неведомо, сам говорил. А до князя далеко.

– Вот тут ты прав, шельма, – даже усмехнулся тысяцкий, поглядев на луну, которая на миг выплыла из-за облаков и вновь скрылась за ними. – Увлёкся я погоней. Да сколько б их там ни было, все крестьяне. Надеюсь. А у нас почти два десятка опытных ратников. Одолеем по-любому. Не бойсь.

Вскоре со стороны неглубокого оврага, что тянулся вдоль дороги, послышался еле слышный шорох. Это вернулись разведчики и доложили Ратише о своей вылазке.

– Ну, что там? – не выдержал Евпатий, подъехав к ним поближе. – Нашли деревню?

– Нашли, – передал ему Ратиша донесение своих разведчиков, – прав ты оказался. Рядом совсем она, с полверсты по дороге. Впереди ещё завал имеется, но поменьше. А за ним деревня, десяток домов и землянки. Не спит ещё никто. Костры горят. Дозоров нет вроде. Ратники говорят, что татары, которые под русичей разодетые, все там. С конями. Шестерых видели. За одним костром с местным старостой сидят и трапезничают.

– Трапезничают, говоришь, – зло ухмыльнулся боярин, – а мужиков там из местных много?

– Говорят, насчитали не больше дюжины, тех, что снаружи. Вроде холопы. Воинов с оружием не видать.

– Странно, – покачал головой Евпатий, – чтобы такие завалы понастроить, народу много больше надо. Ну да ладно. Не своей земле нам бояться не пристало.

Он спрыгнул с коня и обернулся к Ратише.

– Двоих с конями оставь, – приказал боярин, положив ладонь на рукоять меча, – десяток бери себе и обходи деревню слева. Я с остальными зайду справа от дороги. По одному из тех разведчиков, что дорогу вызнали, каждый себе в отряд возьмет, – путь покажут. Встречаемся у костра. Я начну первым. Ты за мной, немного погодя, из засады. Вдруг чего не углядели. Стереги путь назад. Татар не бить без нужды, в полон возьмем, да домой отвезем. С ними ещё потолковать надо по душам. Уразумел?

Ратиша молча кивнул.

– Ну, тогда пора и нам потрапезничать, хоть нас и не приглашали.

Глава четвертая

Незванные гости

Бесшумно, словно стая ночных волков, рязанцы обошли деревню, охватив ее полукольцом. Из оврага, по которому они смогли приблизиться почти к самым домам, Евпатий заметил несколько костров на открытом месте между тремя захудалого вида домами с крышей из соломы и какой-то хозяйственной постройкой, похожей на кузню. Именно к ней и были привязаны кони, с десятков лошадей мирно подремывали, стоя перед охапками сена. Остальные строения деревеньки прятались под деревьями, вокруг которых сейчас стояла кромешная тьма, только сгущавшаяся от пламени костров. Сколько всего здесь было домов, сосчитать не представлялось возможным, но, похоже, немного. Дорога, судя по всему, огибала деревню справа и шла дальше через лес. В сторону реки Мокши.

Никаких дозоров, ни на дороге, ни возле костров, боярин не заметил даже своим наметанным глазом. Оружия в руках или на поясе, или приставленного к стене дома тоже нельзя было различить. Это не означало, что его вовсе не было. Видно, местные жители, даже если и задумали что худое, были абсолютно уверены, что уж сюда-то, через такие буреломы и завалы, никто из княжеских людей и днем-то не подкрадет. Не то что ночью. Они спокойно сидели у костра на бревне и жарили мясо, насаженное на вертел, передавая друг другу бурдюк с каким-то пойлом. То и дело раздавался смех, долетавший до рязанцев, притаившихся в кустах у оврага в ожидании сигнала к действию.

Среди местных, одетых как обычные сельские жители, Коловрат легко разглядел несколько фигур, явно выделявшихся своими повадками и лицом, несмотря на схожую одежду. Когда отсветы пламени выхватывали эти лица из тьмы, он явственно мог разглядеть узкий разрез глаз и тонкие усики над

верхней губой. Понаблюдав некоторое время, Евпатий уже мог точно сказать, кто у них старший. Это был низкорослый коренастый татарин в меховой шапке, не снимавший ее даже у костра, который беседовал с сидевшим возле него на бревне бородатым русичем в кожаной рубахе. Судя по всему, они говорили на одном языке. А русич был старостой деревни и всем здесь распоряжался, так как за время разговора он успел что-то приказать другим крестьянам, и те сразу побежали в кузницу, выполнять его волю. Этот русич часто прикладывался к бурдюку, то и дело пытаясь обнять татарина. Но его гость все время умудрялся ловко ускользнуть от этих объятий, хоть и оставался на месте. Сам он к бурдюку не прикладывался, то и дело обшаривая окрестности цепким взглядом, выдававшим в нем опытного воина. Было ясно, что он сюда прибыл из-за кордона совсем не для того, чтобы пить медовуху. Разговор шел о деле.

– Не зря мы здесь оказались, ой не зря, – пробормотал Коловрат, осторожно вытаскивая меч из ножен и поднимаясь из оврага, – Пора. Возьмем тепленькими и привезем в подарок князю Юрию.

Сам он был в шлеме с бармицей и кольчуге с зеркалом на груди, хоть и без щита. Остальные же ратники были в полном вооружении, с мечами и щитами, некоторые с боевыми топорами, только без копий. Не стал брать боярин в этот тайный поход копьей, – и подумать не мог, что пригодятся. В том десятке, что был за спиной Евпатия, находилось еще трое лучников, взявших на прицел переговорщиков.

Стараясь ступать осторожно, быстрым и мягким шагом Коловрат преодолел дорогу и даже почти все расстояние до костров, пока его заметили. Первым заметил, конечно, татарин. Он толкнул локтем старосту, указав взглядом на воина в кольчуге и с мечом, внезапно появившегося из темноты. Сам же остался сидеть на месте, никуда не бежал, словно выжидая, как дело обернется. Выдержки ему было не занимать. Может, даже надеялся, что его по темноте примут за русича. И другим татарам подал знак не дергаться без команды – молниеносный и едва заметный, но не ускользнувший от боярина. Коловрат, перехватив этот взгляд, понял, что у татар было где-то неподалеку припасено оружие. Вопрос: где?

Тем временем охмелевший староста, узрев перед собой в десяти шагах богато одетого русского витязя, явно не из простых, – державшихся позади еще не разглядел, – ничуть не выказал подобающего тому почтения. Он воззрился на прибывшего боярина и вдруг спросил таким тоном, будто был его хозяином:

– Ты кто таков и откуда здесь взялся, чудака-человек?

Евпатий не стал прятаться в темноте, шагнув в круг света от костра. Окинув быстрым взглядом всех сидевших у огня, поймал на себе явно недобрые взгляды лесных жителей. Все были лохматые и длинноволосые. У многих за поясом углядел топоры или ножи. Татары молча взирали на него из-под шапок, напряженные как сжатые пружины, но внешне спокойные, будто их это не касалось.

– Я посланник рязанского князя Юрия, – громко и четко произнес прибывший из темноты воин, – боярин Евпатий Коловрат.

– Боярин? – усмехнулся староста. – А чего тебе здесь надо, боярин?

– Да вот услышал, что здесь трапезничают богато, и решил в гости заглянуть.

Староста продолжал сидеть у костра и потягивать медовуху, хотя давно должен был стоять на коленях и бить поклоны. Но Евпатий сдерживал себя, хотя ему сразу же захотелось хорошенько врезать по морде этому разнузданному холопу.

– Тебя как звать? – вместо ответа спросил Коловрат, чуть покрепче сжимая рукоять опущенного острием вниз меча.

Несколько человек из сидевших у костра встали и медленно попятились к кузнице и видневшемуся за ней амбару.

– Евсей кличут, и чего?

– Больно борзый ты, Евсей, – спокойно заметил Коловрат, увидев, как из-за кузни появилось еще пятеро с топорами и короткими саблями, блеснувшими в темноте.

– А мы рязанского князя не боимся, – усмехнулся Евсей, отбрасывая пустой бурдюк и резко вставая, – мы этой собаке больше не служим. Своей головой теперь живем.

– Смотри, как бы не лишиться этой головы, – спокойно предупредил Евпатий и, взглянув на его соседа, добавил, усмехнувшись: – Думаешь, татары тебя самого князем сделают?

Татарин и после этого не выдал себя. Сидел себе молча, не подавая вида, словно и не о нем речь. А может, и правда не понимал разговора. Но к чему все идет, не мог не видеть.

– Зря ты сюда пришел, боярин, – зло прошипел староста, – сейчас мы тебе кишки выпускать будем.

Он выхватил топор из-за пояса и двинулся на Коловрата. Еще двое крестьян с топорами стали окружать его с боков. Евпатий продолжал стоять на месте, не делая никаких движений, словно смирился с судьбой и решил принять смерть. Когда же крестьяне неосторожно приблизились на расстояние удара, он вдруг резко взмахнул рукой – и меч вспорол горло тому, что оказался справа. Затем, с разворота, рубанул клинком и отсек руку с топором тому, что наступал слева. Первый харкнул кровью и рухнул в костер, подняв в черное небо сноп алых искр. Второй же издал дикий вопль, увидев хлеставшую из культи кровь, заскулил и упал на колени. Прямо под ноги Евпатию, ожидая второго удара, который отрубит ему голову. Но боярин не обратил на него внимания. Все это произошло буквально за мгновение.

Оторопевший староста замер на месте с топором в руке, которым уже хотел замахнуться на боярина, но будто передумал.

– Ну, чего встал, Евсей? – спросил его Коловрат. – Ты хотел мне кишки пустить, давай! А то, не ровен час, моя очередь придет.

Но Евсей все не решался.

– Бей его! – вдруг заорал староста и махнул рукой своим людям.

Те вскочили с мест и бросились на Евпатия со всех сторон, размахивая топорами, ножами и палками. Двоих Коловрат зарубил не сходя с места, третьего пронзил насквозь резким выпадом. А еще двое, бежавшие на него, размахивая топорами, получили по стреле в грудь из темноты и рухнули замертво, не добежав нескольких шагов. Вокруг костра образовалась уже целая гора трупов.

Ошарашенный Евсей отступил назад. Еще человек семь с саблями и топорами собрались вокруг него, озираясь по сторонам и не видя своих врагов. А татары все так же спокойно сидели на бревне, только было их всего пятеро. «Где остальные?» – пронеслось в голове у боярина.

Из-за его спины показалось несколько воинов в доспехах, со щитами и мечами, став рядом.

– Ну, чего задумался Евсей, – продолжал насмехаться Коловрат, – не устал еще своей головой жить?

И вдруг в них полетели стрелы. Откуда-то из темноты, через головы крестьян с топорами, но очень метко. Двое рязанских ратников, справа и слева от Евпатия получили по стреле в грудь и рухнули как подкошенные. Он сам был хорошей мишенью и едва успел пригнуться, как стрела пронеслась мимо его лица, оцарапав щеку. Кровь полилась по бороде. Стрелы забарабанили по щитам воинов. В ответ рязанские лучники открыли огонь, но видели они только крестьян, по ним и били. Уложив троих, стали осыпать стрелами кузницу, стреляя на звук или шорох выстрела, но поразили кого или нет, было не видно. Обстрел чуть стих, но не прекратился.

Татары тем временем повскакали со своих мест и, не вступая в бой, бросились к своим лошадям, смешавшись с крестьянами. Так что скоро уже было не разобрать, кто где.

– Ах, вы уроды! – взвыл Евпатий и вскинул руку вперед. – А ну, догнать! Татары уходят!

Уцелевшие ратники бросились в атаку и погоню за татарами. Но из-за ближнего дома, словно призраки из темноты, им наперерез вдруг хлынуло человек двадцать с саблями и кистенями невесть откуда взявшихся крестьян.

– Бей рязанцев! – заорал вновь осмелевший староста, увидев почти трехкратное превосходство своих над нападавшими, и наконец-то сам ввязался в драку. – Режь людей княжеских!

Он бросился на одного из ближних ратников и рубанул его топором, но тот успел прикрыться щитом и тут же отразил мечом удар другого топора. Он бился сразу

с двумя крестьянами, и еще двое бежали к нему размахивая саблями.

– Лучники! – рявкнул Коловрат трем бойцам с луками, что оказались рядом. – Ты и ты, бейте по кузнице, чтоб ни один татарин не ушел. Поранить можно, коня убить, но хотя бы двоих нужно взять живыми!

– А ты, – он хлопнул по плечу третьего лучника, – прикрой нас, пока подмога не подоспела.

Лучник кивнул и спустил тетиву два раза подряд, уложив на землю тех двух крестьян, что хотели помочь старосте. Получив по стреле в живот и шею, оба остались корчиться на земле. Но их тут же затоптали свои, бежавшие в атаку. Лучники из Рязани били в упор, останавливая на ходу эту лавину человеческих тел, в то время как немногочисленные ратники крутились в самой гуще, раздавая удары направо и налево наседавшим со всех сторон лесным жителям. Двое лучников, которым Коловрат поручил атаковать татар, едва могли выцеливать тех сквозь круговерть схватки, разыгравшейся прямо перед ними в полумраке. Они успели выпустить прицельно лишь несколько стрел, свалив двух степняков и поранив трех коней, прежде чем толпа крестьян начала их оттеснять назад. Остальные почти добрались до лошадей и сейчас отвязывали их, чтобы скрыться, но лучники продолжали их поливать стрелами, не давая этого сделать.

– Темновато здесь, – сплюнул Евпатий.

Отбив хлесткий удар сабли, ответным движением он вспорол живот одному нападавшему и проткнул горло второму, что замахнулся на него кистенем. Затем прыгнул к костру и, схватив горящее с краю бревно, забросил его на соломенную крышу ближнего дома. Крыша мгновенно занялась, осветив мерцающим светом еще не меньше дюжины саженьей. Обрадованные лучники тут же ссадили с коней еще двоих татар, уже взобравшихся в седло. Но один из рязанских лучников вдруг сам упал, получив стрелу в бок. Евпатий бросил взгляд в ту сторону, откуда прилетела стрела, и заметил татарских воинов с луками, прятавшихся за кузницей. Они охраняли главного татарина, который никак не мог подобраться к коню, которого Коловрат заметил еще до разговора с Евсеем. Староста между тем успел ранить топором в плечо одного рязанского ратника и замахнулся, чтобы добить его, когда тот упал на одно колено.

Тогда Коловрат, подняв меч, бросился в самую гущу драки и успел перехватить удар старосты. А затем выбил у него из рук топор и рукоятью меча нанес мощный удар в лицо, смяв его и сломав нос предателю. Тот обмяк, залился кровью, повалившись на траву.

– Вот и полежи пока, – сплюнул на него Евпатий, – после поговорим.

Он подхватил с земли меч одного из убитых рязанцев и, яростно вращая сразу двумя клинками, бросился в атаку на восставших лесных жителей, которых виднелось уже не больше дюжины. Но и ратников он насчитал только трех, двое из них были к тому же ранены, да только одного уцелевшего лучника. «Где же Ратиша, черт бы его побрал», – подумал боярин, бросив нервный взгляд в темноту, но никого не разглядел.

Вращая двумя мечами, Коловрат скошил одного за другим пятерых противников, отсекая без разбора руки, ноги и головы, прорубив себе наконец дорогу в кузницу. Остальных он поручил добивать ратникам, успев заметить, как погиб от стрелы последний лучник из его отряда. Но едва путь перед ним оказался свободным, боярин увидел, как пятеро оставшихся татар вскочили на коней и с присвистом поскакали в ночь.

Опустив оба клинка вниз, Коловрат в бессильной ярости наблюдал, как добыча ускользает от него, почти достигнув спасительного мрака. Но тут вдруг случилось странное. С крыши едва различимого в кромешной темноте дома на них обрушилось несколько тел. Двое татар свалились с коней и заметались по земле, быстро схваченные и скрученные чьими-то сильными руками. Третий перелетел через шею собственного коня, которому подрубили передние ноги, и также быстро был прижат к земле. Лишь двоим удалось ускакать в ночь. Хотя вслед им полетело столько стрел, что Евпатий теперь не поручился бы за их жизни. Преследовать беглецов никто не стал. Не до них уже было.

Троих татарских пленников, спеленутых по рукам и ногам сыромятными ремешками, вскоре притащили к костру и бросили боярину под ноги. Среди них оказался, к его пущей радости, и главный татарин, который рычал и плевался, как дикий зверь, осыпая русичей проклятиями на своем языке. Но после удара сапогом в живот умолк и присмирел. К тому времени подоспевшие люди Ратиши добились почти всех мятежных крестьян, а кого не успели зарубить, те разбежались по лесам. Впрочем, парочку восставших пограничных жителей, не считая старосты, тоже повязали. В кузнице нашли тук с оружием, который еще

не успели закопать, а может и не собирались.

Окончив бой, Коловрат огляделся по сторонам и подсчитал потери. Оказалось, что рязанские ратники скосили здесь не меньше четырех десятков человек, если считать всех убитых без разбора. Но и сами потеряли больше половины отряда. Вместе с приказчиками их оставалось здесь всего девять человек, из которых трое раненых, к счастью легко. Еще двое ждали с лошадьми. А из временно рекрутированных воинов с кордона в живых осталось только двое. Взять татар тепленькими не вышло. Этим чертовых лесных жителей оказалось здесь слишком много.

– Прости, сотник, – пробормотал Евпатий вполголоса, узнав о потерях, – не верну я тебе твоих людей.

Подойдя к связанному по рукам и ногам старосте, валявшемуся у костра с расквашенным лицом, Евпатий пнул его ногой. Тот заскулил, как побитая собака.

– Ну, что, сволочь, – присев на корточки, спросил его боярин, – помогли тебе твои татары?

Староста повернул к нему свое окровавленное лицо, на котором были едва различимы опухшие и залитые кровью глаза, полные лютой ненависти, и промычал в ответ что-то нечленораздельное.

– Ладно, не трудись, – махнул рукой боярин, – С нами в Рязань поедешь, там и расскажешь.

Он встал и, посмотрев на своих людей, сгрудившихся вокруг него, приказал:

– Раненых перевязать. Убитых ратников и пленных грузим на коней. Захваченное оружие тоже. Коней у нас теперь много... а позже подводу раздобудем. Уходим прямо сейчас назад к реке. Кто их знает, сколько тут еще по лесам этих мятежников прячется. К утру, авось, выйдем.

Глава пятая

Дорога домой

В Рязань они прибыли рано утром, едва только стражники открыли городские ворота. Не радостный это был поезд. Впереди боярин со шрамом на щеке от стрелы, за ним изможденные приказчики и несколько воинов. На двух подводах лежали люди. На передней мертвые ратники, которых требовалось похоронить по православному обычаю. На другой связанные татары и староста из лесной деревни. И все же поход выдался на славу. Почитай, все, что задумал, успел выполнить боярин. Свои тайные вопросы решил благополучно, да еще делами государственными занялся не для отвода глаз, а самыми что ни на есть важными.

Выходило, что по юго-восточным границам началась крамола. И без татар тут явно не обошлось. А это наводило на очень неприятные мысли, – раз татары уже начали засылать сюда своих лазутчиков, значит, готовятся к нападению. Кое-какие подробности Коловрат надеялся выпросить вскорости у захваченных в плен татар. Он уже по дороге пытался со старшим из них завести разговор по душам, но тот прикидывался, что по-русски не понимает, а только буравил его полным ненависти взглядом. И боярин решил не настаивать, отложив серьезный разговор до прибытия в Рязань.

Прижившись в этом времени, он уже по своему опыту знал – разговор по душам гораздо лучше идет, если использовать для беседы каленое железо. Стоило пару раз приложить человека раскаленной железкой по причинным местам – какие только иностранцы не обнаруживали знания русского языка и не проявляли искреннее желание рассказать все о своих тайных планах. Впрочем, знал он это не столько по своему личному опыту, сколько от боярина Святослава, что был соседом Кондрата и ведал у князя Юрия «дипломатическими вопросами», а проще говоря, вел переговоры и устраивал дела со всякими инородцами. И дела эти далеко не всегда ограничивались «дипломатическим» общением. Иногда и каленое железо приходилось к этим отношениям присовокупить. А еще от воеводы Богдана, который по роду службы даже чаще, чем Святослав, имел дело с пленниками. Да и от самого князя Юрия, пожалуй. Тому вообще иначе никак было не решить некоторые государственные вопросы.

В этот раз в Рязань въезжал поезд тысяцкого через Серебряные ворота, что находились аккурат у княжеского кремля. А князь спал мало и просыпался рано, ибо дела часто не ждали. Вот и в этот раз, не успел Коловрат поравняться с мостом, что вел мимо кремля и ворот княжеских в Средний город, где он сам обитал с женошкой своей ненаглядной, как из ворот выехал воевода рязанский Богдан, да еще с приказчиком Даромыслом. Словно всю ночь его здесь поджидали.

«Вот принесла нелегкая», – напрягся Евпатий от предстоящего разговора, который он собирался заводить не раньше вечера, когда доберется до дома, обнимет жену с сыном, отдохнет с дороги, да еще с пленником успеет парой слов перекинуться, чтобы с легкой душой идти с рассказом к воеводе и князю.

– Здрав будь, боярин! – приветствовал его Богдан, пристально разглядывая шрам на щеке, а потом мертвых ратников и связанных пленников на телеге. – Я смотрю, ты весело съездил, проверил кордоны дальние. Чем порадуешь?

– И тебе не хворать, воевода, – слегка поклонился Евпатий, нехотя останавливая коня, – приказчику княжескому наш поклон.

Даромысл кивнул в ответ.

– Твоя правда, – неторопливо начал разговор боярин, старательно подбирая слова, чтобы не сказать лишнего, – поход выдался удачный, но многотрудный. Разумел я, что все легче будет, как прогулка, оттого и людей с собой много не взял. А вышло вон оно как.

– А что же с тобой стряслось, Евпатий? – не отставал воевода, теребя бороду.

– Пока проверял кордоны в верховьях Прони, Пары да Воронежа, случайно нарвался на отряд татарских разведчиков, что на наших людей торговых одежей походили. Решил их выследить, да случайно крамолу нашел среди своих людей, что татарам помогали. На дальних подступах это было, у самой Мокши почитай. Пришлось перетряхнуть это логово, да своих ратников при том потерял половину, больно много крамольников оказалось.

– Татары?!!! – переспросил воевода, не поверив своим ушам. – Уже здесь?

Едва услышав это слово, он подъехал к телеге с пленными, наклонился и сорвал шапку с одного из них, да так впился в него глазами, словно хотел испепелить. Пленный татарин даже отшатнулся от воеводы.

– И верно, татары, – пробормотал ошеломленный Богдан, распрямляясь в седле. – Всех татар надо на кол сажать, так я разумею.

«На Калке уже посадили один раз, не разобравшись», – хотел было возразить Евпатий, но сдержался. Ни к чему было сейчас спорить. Но неожиданно его поддержал Даромысл.

– Обожди, воевода, – вступил в разговор княжеский приказчик, – поговорить с ним для начала надобно. Вдруг знает что. Князь тебе такой прыти не простит.

Богдан обернулся к Евпатию и уточнил:

– Говорил уже с ним?

– Нет еще толком, – признался боярин. – Устал я с дороги. А тут подход нужен и терпение. Позволь омыться да отдохнуть хоть чуток. Три дня в пути. Опосля, к обеду, и явлюсь с докладом к нашему князю. А пленников могу сейчас в острог отвести, а могу и у себя в холодной подержать денек.

– Князь уедет сейчас, да только завтра поутру вернется, – неожиданно сообщил ему радостную новость воевода. – Да и я с ним. Вот утром и привезешь к нам в кремль пленников для разговора. А пока у себя посади под замок. Да смотри, чтоб не утекли. Стереги крепко.

– Не беспокойся, воевода, – ухмыльнулся Коловрат, у которого как гора с плеч свалилась, – я их уже который день за собой тащу. Не сбежали. И теперь не сбегут.

На том и расстались. Даромысл с воеводой, проехав межградие, направились к Спасским воротам, а Коловрат свернул к себе домой в Средний город с приказчиками и пленниками. Правда, прежде наказав Ратише доставить мертвых ратников по домам да каждому дать на похороны.

Перед тем как свернуть с главной улицы Среднего города к своему терему, боярин остановил на съезде с холма коня и окинул взглядом любимый город, в котором, несмотря на утренний час, уже кипела жизнь. Торговцы везли свои товары на рынок, прохожие пестрой толпой разбредались в разные концы по делам, а в церкви гулко звонил колокол. Услышав этот звук, Евпатий посмотрел сначала на Спасский собор, где крестили его младенца. Потом на едва различимые вдалеке купола Борисоглебского собора, от которого после недавнего землетрясения отломилась и рухнула вниз златоглавая башня с крестом, оставив после себя зияющую черную дыру и страх в душах людей от такого предзнаменования. Перекрестился и поехал домой.

Заехав к себе на двор, где его встретили слуги, боярин бросил поводья конюху, которого звали так же, как и его в прошлой жизни, и велел отвести пленников в подземелье. Было в его тереме помещение, небольшое, но специально для дорогих гостей оборудованное на такой случай. Он все-таки не простым торговцем был, а служилым княжеским человеком, и надобность имелась.

– Руки им не трожь, а ноги развяжи, пока не посинели, – приказал он охраннику, который уже собирался согнать пленников с телеги, – до места сами дойдут. Теперь уж не убегут. Да каждого за лодыжку там цепочкой пусть прикуют на всякий случай. Кликни в помощники кузнеца моего. Все приспособы там имеются. Ну, сам увидишь.

Широкоплечий ратник кивнул, развязал сыромятные ремешки на ногах троих татарских пленников и старосты, а затем грубо подтолкнул к подземелью. Остальные воины выстроились полукольцом позади них, отсекая от ворот. Старший татарин медленно слез, осторожно встал на затекшие ноги и окинул цепким взглядом двор, в котором оказался, словно уже прикидывая, как отсюда сбежать. Коловрат перехватил его злой взгляд, но ничего говорить не стал. Решил, что позже обо всем переговорит. Время пока не пришло.

– А этому я скоро лекаря пришлю, – добавил боярин, глядя на синюю и опухшую физиономию старосты, – пускай смажет да полечит чуток, а то не ровен час еще окочурится. До разговора с князем нельзя.

Определив пленников на постой и выставив охрану, Евпатий отпустил приказчиков и наконец смог уделить время своей жене и ребенку. Несмотря на то что он управлялся с пленниками во дворе довольно долго, Лада не вышла его встречать. Это означало только одно: что она спит вместе с младенцем. Час был

еще ранний.

Догадка его быстро подтвердилась. Едва Коловрат вошел в сени и с грохотом опрокинул забытый кем-то из дворовых людей бочонок, как встретился лицом к лицу с Марфой – пышнотелой девкой в белом сарафане, расшитом на груди и рукавах красными узорами, – которая копалась в сундуках.

– Тише вы! – яростным шепотом прикрикнула на него ключница, осторожно закрывая крышку сундука. – Барыня спит еще. Только что дите кормила и заснула.

Коловрат не стал с ней спорить и даже пропустил мимо ушей такую дерзость от своей служанки, все ж таки она берегла покой его жены и сына. Жестом подозвав ее поближе, Евпатий велел приготовить себе баньку да принести еды в дальнюю горницу. Взмахнув косой, которая доходила ей едва ли не до пят, Марфа поднялась наверх и кликнула других слуг. А пока они выполняли желания хозяина, боярин снял походные сапоги и, осторожно ступая, все же пробрался в светлицу на втором этаже, где спали его жена и сын. Дверь отворилась бесшумно: после рождения сына он сразу приказал смазать все петли салом, чтоб не скрипели. Прокравшись внутрь, Евпатий осторожно подошел к самой постели и замер над ней в умилении. На широких полатах, заботливо укрытые покрывалом, спали в обнимку его жена Лада и сынишка, прозванный в честь деда Гостомыслом. Красивая головка Лады с распущенными русыми волосами лежала на пуховой подушке, из расстегнутого одеяния едва высывалась мягкая женская грудь, у которой и прикорнул ребенок, наевшись материнского молока.

Евпатий потянулся было поцеловать спящую жену, – так он по ней соскучился в этом походе, – но удержался. Жалко ему стало Ладу, мог ведь разбудить. После родов женщина спит мало, все за дитем приглядывает, которое кричит непрерывно и есть просит. В такое время минута тишины на вес золота идет.

«Пусть отдохнет, моя ненаглядная, – решил Евпатий, осторожно выбираясь из светлицы, спускаясь по лестнице и выходя на крыльцо, – потом поцелую, когда выспится. Время еще будет. А мне в баньку пора наведаться, а то что-то от меня русским духом сильно пахнет, почитай уже вторую неделю не парился по-человечески. Да и Ладушке со мной чистым миловаться будет куда приятнее».

Перстень из пещеры запер в шкатулку и убрал подальше, как и кинжал. Скинув с себя походные одежды да попарившись вдоволь в баньке, Евпатий от души перекусил. Потом выпил медовухи, а поскольку Лада с младенцем все еще не просыпалась, то он и сам прикорнул прямо так, на лавке. Да не заметил, как его срубил богатырский сон. Приключения последних дней тоже даром не прошли. А проснулся он от того, что услышал рядом детское похлупывание. Еле открыв глаза, больно глубокий сон с ним приключился, боярин сел на лавке и увидел, как его жена кормит младенца, сидя рядом с ним на той же лавке.

– Выспался, родимый? – спросила Лада, не прерывая кормления. – А мы уж заждались.

– Я давно тут, – как бы извиняясь, ответил Коловрат, потягиваясь и бросив взгляд за окно, где было уже полуденное время, – с утра самого. Но тебя не стал будить. В баньку пока сходил да сам покемарил.

– Уже доложили, – кивнула Лада.

– Даже знаю, кто, – усмехнулся боярин, – крепко тут твой сон охраняют.

– А то, – согласилась Лада, бросив игривый взгляд на мужа, а потом на сына, – нам сейчас только спать да есть надобно. Спать да есть. Вот и вся жизнь.

– Хорошо вам, – согласился боярин, – у меня вот иногда еще другие заботы случаются.

– Это кто ж тебя так? – настороженно поинтересовалась Лада и, вытянув руку, погладила на щеке мужа глубокий шрам от стрелы. Розовый и распаренный после бани, он был хорошо заметен.

– Да так, – отмахнулся Евпатий, вставая и подходя к окну, – приключилось кое-что в пути. На ветку налетел.

– Да знаю я, на какую ветку ты налетел, – усмехнулась Лада, отрывая младенца от груди, который был этому совсем не рад и требовал продолжения трапезы, – этих веток у нас в холодной сейчас аж целый куст сидит. Того и гляди, разбегутся все.

– Ничего от тебя не скроешь, – усмехнулся боярин, и добавил, поворачиваясь к жене: – Не разбегутся. Я этот куст крепко посадил. На цепочку. Но ты не бойся. Это ненадолго. Завтра же отвезу их к Юрию для разговора. Сегодня князь в отъезде.

– Ну и хорошо, что в отъезде. Хоть домой смог заглянуть. На-ка вот, – протянула она ему младенца, – держи наследника, а я пока отлучусь.

И запахнув одежды на груди, вышла из горницы.

А Коловрат с нежностью взял в свои вытянутые руки сына и, придерживая хрупкую еще головку, стал его рассматривать. Как ни странно, но оторванный от груди младенец уже не кричал и не буйствовал. Напротив, оказавшись в крепких руках отца, он сразу затих и с удивлением в огромных серо-голубых глазах стал изучать этого незнакомого великана, что вдруг забрал его у матери. Великан был бородатый, но не страшный. Младенец это почувствовал сразу и оттого вдруг улыбнулся, протянув к нему свою ладошку, чтобы потрогать.

– Что, не узнаешь бородатого дядьку? – усмехнулся боярин, переместив его на локоть и взяв двумя пальцами за ладошку. – Конечно, видишь ты меня не часто. Но я отец твой, Евпатий Коловрат. Хошь верь, хошь не верь. Вот такие дела.

Услышав голос великана, младенец еще больше осмелел и дернул его за бороду. А потом вообще раздухарился и стал махать руками, заливаясь громким смехом. На шум прибежала испуганная Лада в сопровождении кормилицы и ключницы Марфы, но, увидев, в чем дело, сразу успокоилась.

– Возьми дите, – приказала она кормилице, когда Евпатий наигрался с сыном, – и оставьте нас.

Едва только ключница и кормилица с сыном, закрыв за собой дверь, вышли, Лада бросилась на грудь мужу и одарила его таким долгим поцелуем, что Коловрат чуть не задохнулся.

– Соскучилась по тебе, – просто сказала она, дав ему наконец-то набрать воздуха.

– А я-то как соскучился, Ладушка, – прошептал Евпатий и, подхватив жену словно пушинку на руки, направился в сторону двери, ведущей в спальню, – ты себе и не представляешь.

Глава шестая

Разговор с каленым железом

К вечеру, отдохнув и намиловавшись с женой, Евпатий воспрял духом и был снова готов на великие дела. Время было еще не позднее, и он решил лично переговорить с пленниками, попытаться что-нибудь выведать еще до завтрашнего разговора с князем. Евпатий надеялся добыть важную тайну, если повезет, и преподнести ее рязанскому князю в оправдание своего набега на пограничное селение лесных жителей собственного княжества. Хотя и не чувствовал за собой никакой вины, даже наоборот, причин для того было более чем достаточно. Одни пленные татары, с коими войны еще не было, чего стоили. Не говоря уже о разрытых схронах с оружием для будущей смуты.

В общем, Коловрат был уверен, что, как правая рука воеводы и человек государственный, он поступил верно. Обнаружил и пресек смуту в зародыше, за это князь его только похвалить должен. «Хотя, – по зрелом размышлении решил боярин, – всю смуту я, конечно, не повывел. Только обнаружил, да и то случай помог. Для порядка в эти гнилые места надо бы еще разок наведаться, да с хорошим войском, чтобы прошерстить всю округу. Неизвестно, сколько там еще таких схронов осталось да деревень, готовых татар поддержать и нас на ножи поднять в случае вторжения. Вот об этом и надо для начала со старостой и дружкой его степным переговорить. Но не здесь».

Евпатий решил не пугать жену лишний раз – вдруг собеседник слишком громко беседовать начнет, еще дите напугает – и провести разговор в кузнице, где имелись для того все необходимые приготовления. А потому велел слугам потихому разыскать Ратишу и прибыть на боярский двор с десятком воинов для надежности. А приказчикам наказал ехать немедля в кузню да освободить ее на

весь остатний вечер от работ всяких.

– Скажи, чтобы Храбр с подмастерьями до утра домой шли, отдыхать, – благо работы у них сейчас не много. Но за потерянное время все равно плату им дай. А Кузьма один пусть меня ждет, помощь его потребуется.

– Так за что же им платить, – попытался было возразить Захар, – ежели они все равно дурака валять будут. Лишних денег у нас нет.

– Не жмись, – приказал боярин, – сказано заплатить, значит плати. Хотя бы посреднему. Тут дела государственные, а это важнее прибыли.

Приказчик поворчал немного, но отправился выполнять приказание. А когда прибыл Ратиша с дружинниками, то боярин уже был готов к отъезду. Одет как положено в городе – надел рубаху дорогую и штаны, расшитые золотом, на ногах сапоги сменил на другие, короткие из коричневой кожи, да ферязь сверху натянул с рукавами, как у всех бояр, необъятными. Шапку богатую с мехом на голову – осень уже, прохладой тянуло по вечерам. Да подпоясался поясом раззолоченным, где на пряжке красовались изумруды. Оружие брать не стал. Только из похода, да охраны хватало. И вместе с Ратишей, осторожно ступая по лестнице вниз мимо спальни, чтобы ни одна ступенька не скрипнула, вышел на улицу. А там обогнул терем и тише мыши пробрался в холодную.

– Всех брать? – деловито осведомился начальник охраны, посветив себе факелом, чтобы разглядеть прикованных к столбам пленников в подземелье с таким низким потолком, что рослым воинам приходилось сгибаться почти вдвое.

– Нет, – решил боярин, – бери вот этого, с распухшей рожей. И еще вон того татарина, что на нас злобно смотрит из угла. Остальных пока здесь оставь, позже с ними пообщаемся.

Упировавшихся пленников – что почуяли неладное – приголубили парой ударов, чтобы стали помягче, отцепили от столбов и, опять связав им ноги, поволокли на телегу, что уже ждала у ворот. Бросив как мешки с соломой, повезли в кузню, стоявшую на отшибе.

Ехали по тряской дороге быстро, ничуть не заботясь об удобстве пленников. Оставив позади Спасские ворота, скоро оказались в Столичном городе, с

мастерскими и лавками ремесленников, кое-где в которых еще шла торговля или другая рабочая суета. На развилке улиц свернули налево, к Исадским воротам, и вскоре достигли края большого оврага. Этот овраг проходил сквозь пустую городскую землю огромной трещиной, а дальний его конец упирался в крепостную стену. Здесь к нему выходили задние двory многих рабочих строений, в том числе и кузнечные цеха рязанского боярина. Почти из каждого валил дым вперемешку с паром, но людей вокруг в этот час видно почти не было. Уже смеркалось, когда телега с пленниками и охраной, скрипнув колесами, остановилась рядом с кузницей.

– Прибыли, – доложил Ратиша, останавливаясь. – Куда их?

– А вон, кузнеца видишь, – указал Евпатий на здоровенного чумазого мужика в кожаном фартуке, с ручищами как у заправского лешего, что вышел им навстречу из ворот. – Вот ему отдай. Он знает, куда.

Подъехав чуть ближе, Евпатий приветствовал и кузнеца.

– Будь здоров, Кузьма, – проговорил Коловрат, почти с наслаждением вдохнув дымно-смоляные запахи кузницы.

– И тебе, боярин, не хворать, – ослабилась кузнец, вытирая закопченные руки о фартук, – приказчик твой внутри дожидается.

– Принимай дорогих гостей, – сообщил Евпатий, как бы невзначай оглянувшись по сторонам, но лишних наблюдателей не заметил, – да определи их на постой. Говорить будем.

– Это можно, – ничуть не смутился Кузьма, беря под руки вместе с дружинником первого пленника, которым оказался староста из лесной деревни. – Захар предупредил. У меня уже все готово.

Кузнец с помощниками затащил пленника вглубь пустой кузни. На пороге их повстречал и сам Захар, молча застывший у стены. Не обращая на него внимания, кузнец поволок пленника туда, где в углу стояла конструкция, похожая на два мощных деревянных столба с поперечной перекладиной, или скорее барабаном, на которой была намотана цепь. Сбоку от барабана виднелась ручка, как у колодца, а длинная цепь тянулась вверх к кованой металлической

петле, вделанной в потолок наподобие блока, и через нее уже свешивалась вниз почти до самого пола. На конце петли имелся острый крюк, при виде которого староста из лесной деревни задрожал.

- Ироды, - прохрипел он, задержавшись в руках своих конвоиров, - что творите?

Кузнец и охранник, не обращая внимания на его стоны, развернули старосту спиной, сорвали с него рубашку, оголив, и просунули крюк между ладоней, связанных ремнем. Затем Кузьма слегка провернул ручку, и староста чуть приподнялся в воздух, повиснув над полом со связанными сзади руками. Его подъем сопровождался хрустом в суставах, отчего староста взвыл и стал поливать проклятиями боярина, рязанского князя и всех его прихвостней, хотя порой было трудно разобрать, что он говорит, из-за разбитого рта.

- Ну, слава богу, а то я думал, ты уж говорить никогда не сможешь, - удовлетворенно кивнул Евпатий, останавливаясь напротив, - боялся, что рот тебе совсем на сторону свернул, паскуда. Помогла, значит, мазь знахарская.

Коловрат приблизился на один шаг к дыбе и добавил:

- Ты мне собирался кишки выпустить и до сих пор еще жив. Так что можешь благодарить пока, что я тебя не сразу за ребро подвесил.

- А с этим что делать, Евпатий Львович? - уточнил Ратиша, кивнув на татарина, которого держали двое дружинников.

- Этого к столбу привяжи пока. Вон туда, напротив, - приказал боярин, указав в сторону, где чуть поодаль стоял еще один столб, тоже с приспособлениями, но попроще. - Пусть смотрит и соображает, пока до него очередь дойдет.

Когда ратники заломили татарину руки вверх, он попытался вырваться, но не смог и в бессильной злобе лишь плюнул одному из них в лицо. В ответ ратник приложил его головой об столб, расквасив нос в кровь, а затем закончил дело, подвесив его на торчащий крюк за руки. Но цепи здесь не было, и над полом его никто пока не поднимал, поэтому пленник просто был прикреплен к столбу со связанными руками и ногами.

- Эй, полегче с ним, - нехотя приказал Евпатий, - пригодится еще.

Временно позабыв о татарине, боярин велел принести кузнецу раскаленный прут. Кузьма неспешно дошел до мехов, устроенных в десяти шагах. В них давно уже полыхал огонь, в глубине потрескивали угли, а на краю лежала раскаленная заготовка. Надев рукавицы, Кузьма вытащил прут из огня и медленно вернулся к пленнику с дымящимся железом.

- Начинай, - сделав знак Захару, Ратише и всем дружинникам выйти на улицу, приказал боярин, не задав еще ни одного вопроса пленнику.

Кузнец осторожно ткнул качавшегося на цепи старосту каленым железом под ребра. Металл с шипением вошел в плоть, а староста издал дикий вопль, разнесшийся по кузнице, и завертелся из стороны в сторону, словно хотел соскочить с крюка.

- А теперь давай говорить, Евсей, - стал серьезным боярин, - давно ли с татарами стал дружить? Что они тебе обещали за помощь против князя рязанского? Много ли вас таких в лесу?

- Ненавижу тебя, собака! - заорал Евсей. - Всех вас, рязанцев, ненавижу.

- Чем же тебе так рязанцы не угодили? - уточнил Евпатий.

- Вы отца моего убили. До вас мы свободно в лесу жили, вольно, а теперь дань должны платить князю.

- Тут уж ничего не поделать, - пожал плечами боярин, - на то воля князя. Все платят. А ты думал, чудака-человек, что татары с тебя дань брать не будут? Что они тебе обещали?

Но Евсей вдруг замолчал, перехватив взгляд татарина, болтавшегося на столбе напротив. Заметив это, Коловрат подал знак Кузьме, и тот повторил внушение, проведя раскаленным прутком по ребрам еще раз, но подольше. Евсей дернулся так, что чуть не вывернул себе суставы в плечах, и вновь заорал благим матом.

– Иркен сказал, что если мы им поможем, то будем свободно жить! – зашептал староста. – Дань платить никому не будем.

– А ты и поверил? – усмехнулся Коловрат, бросив взгляд на татарина, который отвернулся в сторону, сжав зубы. – Да они с тебя первого три шкуры драть будут, опосля того, как ты своих предашь. Они вас, дураков, используют, а потом в рабов обратят, или воевать заставят дальше с такими же русичами, как вы. И закончится твоя вольная жизнь. Вспоминать еще будешь, как при князе жил. Небо с овчинку покажется[2 - В древности провинившихся в наказание сажали в глубокую яму. Заключенный мог видеть оттуда лишь небольшой кусок неба, размером в овечью шкуру (с овчинку). И то, что на самом деле было большим и необъятным, становилось маленьким.].

Евпатий сделал пару шагов в задумчивости возле дыбы и вернулся на прежнее место, словно соображая что-то.

– А друга твоего степного, значит, Иркен, зовут? Хорошо. А как он с тобой разговаривал? Ты по-татарски говорить в лесах научился или он по-нашенски знает?

– Он по-нашенски говорит, – выдавил из себя староста, на ребрах которого уже запеклась кровь. – Мне до встречи с ним было незачем их разговор понимать. Он сам к нам пробрался и завел разговор о свободе от князя рязанского, которую нам хан даст, если поддержим его, когда придет.

За спиной Коловрата на соседнем столбе слышались проклятия на татарском языке. Иркен, похоже, отлично понимал, о чем беседуют боярин и его знакомец.

– А вы и рады, дружков нашли, – кивнул боярин, не обращая внимания на Иркена. – Знал, на что давить. И когда, он сказал, придет хан?

Евсей замолчал на мгновение, но увидев движение руки боярина, которым тот подзывал кузнеца с раскаленным железом, вдруг появившемся прямо у его лица, затараторил как мог быстро.

– Не знаю я, – едва не захлебнулся слюной староста, – намекал, что скоро. Может, в конце осени. Он всегда туману напускал, а помощи требовал много. Это вы у него спросите!!!

– Спросим, – довольно проговорил Евпатий, – обязательно спросим. Только прежде ты мне скажи: много оружия в лесах уже закопано? Это ты и сам знать должен, ты же вроде старший в своем племени.

– В нашем племени сотни на три бойцов хватит, – копья, мечи, топоры. У нас с десяток деревень готовы вооружиться, когда придет час, – едва не харкнул староста, – места покажу. Да у соседей еще не на одну сотню наберется. А дальше по границам, может, и еще с кем договорились. Мне неведомо.

– Ты смотри, какие они шустрые, – удивился боярин, даже смерив уважительным взглядом Иркена. – И что от тебя хотел твой друг?

– Чтобы мы на кордоны напали по первому зову и спалили их. Потом из леса отряды ваши терзали. А когда придут татары, броды через реки им назвали лучшие и проводников дали, чтобы конница быстрее до Рязани могла прийти в обход главных сил княжеских. Даже карту свою показывал, на коже выжженную. Я такой никогда и не видал ранее. Броды я ему назвал в нашей местности все, какие знал, да только половина из них на той карте уже была отмечена.

– А ты думал, – усмехнулся боярин, вновь оглянувшись на татарина, который так и смотрел в сторону, но на его щеках играли желваки. – Не с тобой одним он, видать, дружбу завел да речи прелестные говорил. Таких предателей, как ты, на Руси, еще немало отыщется.

Скрестил боярин руки на груди и призадумался надолго. Затем, поразмыслив, сделал знак Кузьме отодвинуться со своим железом от пленника и сказал:

– Ну что, Евсей, порадовал ты меня. Кое-что полезное сообщил. Для прощенья маловато, но жизнь свою продлить чуток сможешь. Хотя бы до завтра, ибо сам князь с тобой, возможно, разговаривать будет. Если захочет, конечно.

Он отступил на шаг и подал новый знак Кузьме, который уже отнес свою раскаленную заготовку обратно на мехи, – подогреть, чтоб не остыла.

– Закончим с тобой пока, – сообщил боярин, – сейчас я с твоим другом беседовать буду. А ты пока на его месте повиси, отдохни.

Услышав эти издевательские слова, староста все равно не смог сдержать вздох облегчения. Между тем Кузьма кликнул одного из ратников, и они стали снимать измученного старосту с цепи, опустив сначала на грязный пол, где он едва не потерял сознание. Затем оттащили тело в полуобморочном состоянии в сторону столба, а его место на дыбе занял вертевшийся, как змея, татарин. Обмякшего старосту, как и приказал Евпатий, за связанные руки подвесили на крюк к столбу, для пущего внушения оставив наблюдать за разговором со стороны.

– Значит, тебя зовут Иркен, – глядя на вертевшегося татарина, спокойно проговорил боярин и даже слегка вздохнул, словно ему вдруг стало грустно. – И ты меня отлично понимаешь, как я вижу.

Евпатий помолчал мгновение, изучая вытянутое лицо пленника, и продолжил:

– Устал я уже, дорога была дальняя. Да ты это и сам знаешь. Ночь на дворе почти. Так что перейду к самому главному.

Боярин сделал паузу и спросил:

– Когда на Русь придет твой хан?

Татарин прорычал что-то сквозь стиснутые зубы на своем языке и отвернулся, словно не желая разговаривать с Коловратом.

– В молчанку играть задумал, – кивнул боярин. – Хорошо. Раз тебя разговор с Евсеем не впечатлил, и думаешь, что ты парень крепкий, можно иначе. Не будем зря воздух сотрясать.

Он махнул рукой, и Кузьма воткнул в ребра татарину раскаленный прут. Татарин вздрогнул, но промолчал. Его лицо побагровело, со лба заструился пот, но он молчал. Тогда Кузьма, не отрывая, пару раз провернул этот прут в руках, наматывая на него кожу и куски обугленного мяса. И чуть поднажал, так что прут как в масло стал погружаться в грудь пленника. Это длилось довольно долго, но в конце концов рот татарина раскрылся, и кузницу огласил дикий вопль, от которого у боярина в ушах даже зазвенело. А потом – когда кузнец в фартуке отступил на шаг – пленник начал говорить.

– Придет... – захрипел, коверкая русские слова татарин, но довольно чисто, глядя в глаза Евпатию, – придет великий хан Бату с несметной силой... и раздавит вашего князя Юрия своим сапогом... как навозного жука. В пыль сотрет, в порошок... а всех остальных как дикий зверь разорвет на куски. Возьмет в полон жен и детей ваших и будет насиловать их и пытаться страшной пыткой, а потом предаст лютой смерти. Сожжет все ваши города и села. И утопит Русь в крови. Вот тогда живые позавидуют мертвым!

– Когда придет? – ничуть не впечатленный угрозами, повторил вопрос боярин, едва пленник замолчал, уронив голову на окровавленную грудь. – Когда придет на Русь твой хан Бату? Осенью, зимой или в будущем году? Говори, падаль!

Он даже схватил бесчувственного пленника за волосы и встряхнул, но татарин молчал, закатив глаза.

– Карта твоя с бродами где? – пробормотал Евпатий, уже понимая, что тот его не слышит.

Наконец, отпустил волосы татарина, вытер руку о штаны и отступил на пару шагов от дыбы.

– Похоже, перестарались мы немного, – сказал боярин, в недоумении поглядев на Кузьму. – Убери-ка пока свой прут да притащи холодной воды. Окати его хорошенько. Посмотрим, жив али как.

Кузнец отнес раскаленную заготовку к мехам, вышел наружу и вскоре вернулся с деревянным ведром. Размахнувшись, окатил болтавшегося на цепи пленника. Едва холодная вода потекла по измазанной грязью и кровью спине, татарин задергался и застонал.

– Живучая сволочь, – едва ли не с радостью пробормотал Коловрат. – Ладно, хватит на сегодня. А помрет еще, потом перед князем не оправдаюсь.

Боярин бросил взгляд на второго пленника, – обмякшее тело старосты тоже висело на столбе безжизненной тушей.

– Снимай обоих, – приказал он Кузьме, – зови Ратишу и грузите в телегу.

Когда в помещение вошел Захар, вместе со всеми ожидавший снаружи, Коловрат добавил:

– Разыщи немедля лекаря, и пусть срочно их попользует. Авось до завтра доживут. Оставим князю для забавы.

Но на этом события долгого дня не закончились. Проезжая под охраной ратников через хорошо знакомую развилку дорог, откуда вели пути не только домой к боярину, но и сквозь обширные кварталы Столичного города к Рязским, а также Исадским воротам, группа всадников Коловрата поравнялась с постоянным двором. Возле него, несмотря на поздний час, когда все православные уже готовятся отойти ко сну, собралась довольно большая толпа ремесленных людей и бедноты, кормившихся, судя по одежде, самыми разными промыслами. Работных людей было так много, что они даже запрудили все подходы к постоялому двору, почти преградив путь конным.

Коловрат не был настроен выяснять, по какому поводу случилось это собрание, и поднимать сейчас лишний шум, разгоняя народ. А потому сбавил ход и ехал шагом за спинами своих ратников, которые прокладывали дорогу ему и телеге с пленниками, продавливая толпу грудью своих мощных коней. Но даже те, кого они грубо оттесняли с дороги, не обращали на своих обидчиков особого внимания, поскольку были увлечены речью какого-то мужичка в сером кафтане с длинной бородой. Мужичок этот забрался на телегу, что стояла распряженной у самого въезда во двор, и оттуда что-то бойко, с повадками заправского бирюча[З - Бирюч – так назывался глашатай в Древней Руси, вплоть до времен Петра Первого. Он объявлял на улицах о княжеских решениях и новых постановлениях, а также контролировал их выполнение.], рассказывал собравшимся.

Погруженный в свои мысли Коловрат, не приглядываясь, даже сначала так и подумал, лишь слегка удивившись, отчего это князь поручил довести до народа новости в столь неурочный час. На дворе был уже поздний вечер, сумерки сгущались, но из окон постоялого двора, на первом этаже которого располагалась едальня, падал тусклый свет, достаточный, впрочем, для того, чтобы собравшиеся могли видеть речистого мужика.

– ...так вот, – долетело до Евпатия, когда он уже почти миновал запруды из людских тел, – истинно говорю вам, люди, скоро придет на нашу землю великий вождь степной с несметной силой, которой нет на всем свете сильнее, и раздавит нас и князя нашего Юрия, как навозного жука!

Услышав это, боярин резко осадил коня и остановился, с неожиданным интересом взглянув на самозваного «бирюча». А мужик поправил шапку, воздел руки к темному небу и провозгласил:

– В пыль сотрет нас, несчастных, за грехи наши! Возьмет в полон жен и детей, если будем противиться его воле. Как зверь дикий набросится и разорвет на куски! Русь в крови утопит. Пожжет Рязань и села окрестные!

Завороженная толпа, краев которой уже нельзя было различить в темноте, загомонила. А «бирюч» продолжал сеять панику.

– В позапрошлом годе вы все видели звезду кровавую в небе – это нам знак свыше Господь дает! Нельзя противиться воле степного хана. Все народы, что на востоке живут, уже покорились ему без боя и живут теперь в мире. Наш черед скоро настанет. Если хотим дома наши спасти, надо открыть ворота...

«Где-то я все это уже слышал», – припомнил Коловрат, а уловив продолжение речи, быстро принял решение.

– Эй, Ратиша, – позвал он вполголоса, – а ну-ка, прихватите мне этого балабола. Только тихо, без лишнего шума, чтобы не спугнуть.

Конные ратники развернулись и стали с двух сторон обходить в темноте телегу, осторожно отсекая толпу и приближаясь к вещавшему мужичку. Но тот оказался не так прост. Едва завидев силуэты княжеских дружинников, двигавшихся в его сторону, «бирюч» последний раз взвизгнул:

– Истинно говорю вам, люди, нельзя противиться степному царю, если жизни свои спасти хотите! Бежать надо или покоряться!

И вдруг, развернувшись, резво спрыгнул с телеги и пропал, затерявшись в темноте, среди выходившей из едальни толпы подмастерьев. Ратники, пришпорив коней, прорвались сквозь народ и перевернули вверх дном весь постоянный двор, но никого не нашли.

– Утек, – доложил вскоре вернувшийся Ратиша. – Как сквозь пальцы ушел.

– Ладно, – кивнул расстроенный боярин, – поймаем. Чует мое сердце, что это не последний «бирюч». Знать, не только по лесам окраинным вся эта нечисть ошивается. Уже и к нам в дом полезла.

А, повернувшись к загомонившему народу, привстал на стременах и крикнул:

– Вы чего уши развесили, легковерные? Я боярин Евпатий Коловрат, тысяцкий нашего князя Юрия. Вас дурят на чем свет стоит, а вы и рады. Помните: вами правит сильный князь, и он вас защитит! Никакой степной зверь ему не страшен. По домам расходитесь. А если еще где появится такой же брехун, приказываю его изловить и привести ко мне или к воеводе для суда. Он будет предан лютой смерти за то, что подбивал вас на бунт. А от меня еще и награда выйдет.

Люди стали расходиться, покачивая головами. Но долго еще по углам висел глухой ропот толпы.

Глава седьмая

Черная кошка и козни дьявола

Ночью слегка подпорченных пленников вновь пользовал знахарь, и к утру они пришли в себя, хоть и стонали оба. Один в голос, другой сжав зубы.

– Ну, слава тебе, господи, оклемались. Будет, что князю предъявить, – выдохнул с облегчением боярин, осмотрев свои стонущие трофеи в холодной, и махнул рукой охранникам. – Ратиша, грузите всех на телегу. Пора князя навестить с подарками. Да целых татар тоже не забудьте, может, добавят чего интересного.

По дороге в княжеский терем отряд Коловрата обогнал медленно бредущую в ту же сторону группу странствующих монахов – человек семь, – в мешковатых рясах почти белого цвета и накинутых на голову черных накидках с капюшонами. В руке у каждого болтался небольшой туюсок, не то из коры, не то

из дерева, с прорезью в крышке для монет, подвешенный на куске грубой веревки за руку. Шли они босиком, да и рясы у всех были какими-то оборванными. В общем, если бы не одеяние, странствующих монахов вполне можно было спутать с нищими, живущими подаянием.

«Это еще что за заезжие проповедники? – удивился про себя Коловрат, невольно отметив, что монахи явно не были православными. – Чего им здесь надобно?» Но боярин спешил на встречу с князем, а потому, чуть придержав коня, вновь наподдал ему по бокам и не стал долго рассматривать бредущих по дороге путников. Мало ли кто в Рязани бывает, город большой. Со всем миром торгует и сношения имеет. От Европы до Византии и отдаленных стран азиатских. Может, проездом куда следуют. И все же какое-то странное предчувствие, что не зря он встретил этих монахов, закралось в его душу.

Прибыв рано поутру на княжеский двор с телегой, загруженной пленниками доверху, и дюжиной охранников, Коловрат был удивлен неожиданным скоплением народа в этот неурочный час. Преодолев мост и едва въехав сквозь охраняемые ворота в кремль на холме со своим ценным грузом, он обнаружил там боярина Святослава в раззолоченном ферязе с тремя помощниками, одним из которых был толмач Веденей. Коловрат его помнил, довелось уже участвовать в нескольких встречах с иноземцами по воле князя. Рядом он узрел двух священников из ближайших помощников епископа рязанского. Самого епископа, впрочем, не было. Затем разглядел воеводу Богдана, сотника Наума и две дюжины ратников под его началом, выстроенных у входа. Да еще в глубине двора несколько княжеских холопов. Приказчика Даромысла не нашел взглядом.

«Интересно, – подумал Коловрат, разглядывая собравшихся и поневоле пытаюсь разгадать загадку скопления людей, – на кой черт столько народа здесь собралось, кого встречают? Приказчика нет, значит, не торговых гостей. Зато есть боярин Святослав, переговорщик с иноземцами, священники, да еще толмач в придачу. Ну, воевода всегда для порядка нужен. Гостей иноземных ждут, что ли? Ну не меня же с пленниками так встречают».

– Будь здоров, боярин, – сказал Коловрат, слезая с коня с помощью своего слуги и обнимая по боярскому обычаю Святослава.

– И тебе не хворать, соседка, – ухмыльнулся в бороду Святослав, впрочем, без особой радости.

Евпатий давно заметил, что Святослав человек себе на уме. Впрочем, при его должности это было нормально. Должен был боярин в людях разбираться и тайны княжеские хранить. Потому даже друзей близко не подпускал, а Коловрат ему и не был близким другом, хоть и роду боярского да из богатеев знатных. Только соседом, с которым виделись они лишь у князя по делам да на пирах. Но и там Святослав меду пил немного и особо не откровенничал.

- Ты какими судьбами здесь? - поинтересовался Святослав.

- По приказу воеводы, - кивнул Евпатий стоявшему чуть поодаль Богдану, - привез пленников, что в недавней поездке захватил. Велено было их сегодня утром князю представить для разговора.

- Аж к самому князю? - усмехнулся Святослав. - И кого же ты там поймал? Черта, что ли?

- Почти, - не торопился обижаться Коловрат, - татар захватил, что по нашим землям в чужом обличье шастают да народ баламутят. Ну и еще одного из предателей.

- Татар? - сразу перестал смеяться Святослав и внимательно пригляделся к пленникам, на рубахах которых виднелись кровавые подтеки. - Да ты, я вижу, побеседовал уже с ними? Живы хоть?

- Побеседовал немного для порядка, - начал оправдываться Коловрат, - чтоб не с пустыми руками являться ко двору княжескому.

- Узнал что? - понизил голос боярин, сделав даже полшага вперед.

Но в этот момент по толпе собравшихся на крыльце пронесся приглушенный ропот, и боярин умолк, а Коловрат, обернувшись, с удивлением заметил, как в ворота княжеского кремля, истово крестясь во все стороны, входит группа тех самых странствующих монахов, которых он едва не принял за нищих.

- Это чего, - удивился Евпатий, невольно покосившись на помощников рязанского епископа, которые, узрев прибывших, развернулись и ушли внутрь, едва не плюнув на землю, - этих гостей, что ли, ждете?

– После договорим, боярин, – прекратил разговор Святослав, возвращаясь назад, – тут другие дела начинаются.

– Уводи своих пленных в холодную к князю, – приказал воевода Богдан, махнув рукой в сторону телеги, – да побыстрее. А сам потом в палаты приходи. Если Юрий дозволит. Разговор твой позже будет.

Коловрат молча кинул не стал вдаваться в лишние расспросы. По его знаку ратники выдернули пленников из телеги и быстро уволокли в левое крыло терема, где имелся ход под землю, уже хорошо знакомый боярину. Не раз там бывал по службе. То с князем, то с воеводой. Подвесив пленников к столбам, Евпатий оставил их там под охраной, а сам по тайной лестнице, что вела в княжеские палаты, быстро поднялся наверх. Он пока не понимал, что происходит, и очень хотел поприсутствовать на встрече князя и странных нищих монахов, которых здесь встречали с таким почетом. «С чего бы Юрию, князю рязанскому, принимать таких нищевродов? – удивлялся Евпатий, перескакивая со ступеньки на ступеньку и придерживая меч, чтобы не хлестал по ногам. – Да еще не православных. И помощники самого епископа здесь, хотя и без него. Видать, тут какая-то политика намешалась. Надо бы узнать, в чем дело. Авось, князь дозволит».

Оказавшись у входа в палаты, где князь Рязани обычно вел переговоры с иноземцами, Коловрат понял, что еще не опоздал. Странствующих монахов не было, значит, встреча не началась. Сам Юрий сидел на почетном месте в парадном облачении, как будто принимал важных послов, а по правую руку от его резного раззолоченного трона стоял боярин Святослав с толмачом и помощниками, что-то быстро нашептывая в ухо князю. Никакого стола с яствами перед собравшимися не было, значит, разговор предстоял хоть и важный, но не располагавший к дружеской застольной беседе, а значит, и не очень долгий. Так, во всяком случае, подумалось Евпатию.

По левую руку от Юрия виднелись воевода Богдан и люди епископа рязанского. Перед князем, на полшага в сторону и за спиной, расположилось не меньше дюжины охранников, рассредоточившись. Они были здесь всегда, сколько бы гостей ни прибыло, разве что князь сам их удалял в силу секретности разговора и доверия к гостю.

Пройдя сквозь охрану, которая по знаку князя пропустила его внутрь, Коловрат приблизился к Юрию.

– Здравствуй, Евпатий, – приветственно кивнул ему князь, – рад видеть. Наслышан уже от воеводы и Святослава про твои подвиги. Ну, раз и ты здесь, тоже зайди, послушай, о чем эти заезжие проповедники толковать будут.

Коловрат хотел ответить, но не успел.

– Не нужно было, князь, их и вовсе принимать, коли епископ в отъезде, – неожиданно подал недовольный голос один из священников, – не православной веры они. Нечего и слушать. Одно слово – папешники[4 - Папешники – так на Руси презрительно называли последователей римского папы, католиков.].

– Кто же знал, что епископ в отъезде будет, когда эти доминиканцы явятся, – ответил князь, хмуро поглядев на священников.

– Так, может, они специально подгадали так, чтобы к тебе напроситься, – продолжал гнуть свою линию священник, – прознали, что епископ уедет.

– Может, и так, – ответил спокойно князь, – так что с того?

– Был бы епископ на месте, может, и отговорил бы тебя вовсе принимать их, – пробасил священник. – К чему лишние разговоры с папешниками? От них одно лукавство исходит, на которое многие слабые духом соблазняются. Вон какая смута по краю Новгородского княжества творится от их речей. Кровь льется.

– Лукавство в окрестностях Новгорода не токмо от речей творится, но и от мечей братьев-рыцарей орденов, – ответил князь Юрий. – Хотя прав ты в главном, с речей прелестных все начинается. Но идут эти папешники из самого Владимира от великого князя да с его разрешения. Удивляюсь я такому добросердию великого князя нашего к латинянам, а потому особенно нам послушать надо, чего хотят, хоть и без епископа. Вера наша православная слабее оттого не станет.

Священник еще что-то недовольно пробурчал что-то себе под нос и умолк.

– Иди, Евпатий, – приказал князь поневоле застывшему возле него боярину. – Вон там в уголке посиди. А потом и с тобой, даст бог, потолкуем. Есть о чем.

Евпатий поклонился и молча проследовал в угол помещения, пристроившись за деревянной колонной, искусно украшенной позолотой и узорами. Рядом с ней, в глубокой нише у окна, узкой бойницей тянувшегося к потолку, стояла небольшая лавка с резными ножками и сидухой, расшитой золотой нитью. Оказавшись за спинами собравшихся в княжеских палатах, боярин вполне мог и присесть. Но остался стоять, все-таки неловко было перед охранниками, что смерили его подозрительным взглядом. Лишь скрывшись за колонной на всякий случай, чтобы никто из прибывших его в лицо не увидел до срока. Мало ли как жизнь повернется, – среди монахов тоже шпионов римской веры было немерено. Поди разбери, кто из них честно Богу молится, а кто бродит по дорогам Руси, чтобы сведения собирать для своих хозяев, да ордена рыцарские ими потом снабжает. «Когда мимо проезжал, эти странные монахи вроде в землю смотрели да молились из-под своих накидок, – подумал Евпатий без особой уверенности, прячась за колонной, – авось и не разглядели меня».

Едва он спрятался за колонной, как послышался шум, похожий на шарканье босых ног, и в зале появились семеро монахов в белых поношенных одеяниях и черных накидках. Двое из них возглавляли процессию, пятеро шли позади. Едва войдя в зал мимо охранников, монахи откинули капюшоны и остановились в десяти шагах от князя, воздев руки к небу.

– Laudare, Benedicere, Praedicare[5 - Laudare, Benedicere, Praedicare! Девиз доминиканского ордена – «Восхвалять, благословлять, проповедовать».]! – произнес один из возглавлявших процессию. Тот, что был пониже ростом, но пошире в плечах своего соседа. И, поклонившись, пробормотал еще несколько слов по-латыни, трижды перекрестившись. Странствующий монах был коротко подстрижен и округл лицом, на котором светились узко посаженные глаза. Быстрым и цепким взглядом, который не укрылся от Коловрата, монах окинул помещение, пересчитал охранников и, расплывшись в благостной улыбке, воззрелся на рязанского князя в ожидании ответа.

Стоявший рядом с ним долговязый монах неожиданно заговорил по-русски с едва заметным акцентом, оказавшись толмачом доминиканцев. Веденей, которому предстояло показать в переговорах свою ученость, переглянулся со Святославом и слегка загрустил.

– Да пребудет великий государь рязанский Юрий и все его семейство в добром здравии. Юлиан, приор нищенствующего ордена доминиканцев, просит тебя о милости во имя Господа нашего Иисуса Христа.

При этом говоривший слегка коснулся туюска с прорезью для монет.

– Милостыню, что ли, ему подать? – не удержался от ерничества рязанский князь. – Это можно. Рязань – город богатый. Не обидим.

А отсмеявшись, добавил:

– Ну, говори прямо, зачем пришел.

Монах-толмач слегка напрягся, но, пропустив колкость мимо ушей, кратко перевел ответ Юлиану. Сделал он это, видимо, опустив ненужное, и, выслушав ответные слова приора, продолжил свою речь:

– Приор Юлиан давно странствует босым в окружении братии по землям Руси. Он бывал во многих княжествах и городах, где доминиканцев и веру латинскую принимают благосклонно. От Киева до Владимира.

Стоявший подле князя православный священник чуть не плюнул с досады. Но промолчал, едва сдержавшись.

– Летом прошлого года дошел он даже до поселений племени мордвы, где проповедовал учение Иисуса на берегах реки Волги. Великий князь Владимирский Юрий Всеволодович дал ему на то свое разрешение.

«Прыткие проповедники у римского папы, – подумал Коловрат, услышав рассказ о путешествиях, – уже и с великим князем о делах своих договорились. О чем же он думает, пуская к себе эту гидру? Али лукавит толмач?»

– Кого на мордву пускать, то дело великого князя, его земли, – нахмурился Юрий, услышав такие речи. – Ты скажи лучше, какая печаль вас ко мне привела?

Услышав ответ, толмач задержался с переводом и попросил повторить вопрос. Видно, его познания в русском наречии были не столь полны. Тут в дело вступил Святослав.

– Разреши, княже, и моему толмачу слово ради тебя молвить. А то стоит без дела, как истукан.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Держикрай – это порубежник, пограничник.

2

В древности провинившихся в наказание сажали в глубокую яму. Заключенный мог видеть оттуда лишь небольшой кусок неба, размером в овечью шкуру (с овчинку). И то, что на самом деле было большим и необъятным, становилось маленьким.

3

Бирюч – так назывался глашатай в Древней Руси, вплоть до времен Петра Первого. Он объявлял на улицах о княжеских решениях и новых постановлениях, а также контролировал их выполнение.

4

Папезники – так на Руси презрительно называли последователей римского папы, католиков.

5

Laudare, Benedicere, Praedicare! Девиз доминиканского ордена – «Восхвалять, благословлять, проповедовать».

Купить: https://tn.knigapoisk.com/zhivoy_aleksey/kolovrat-vtorzhenie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)